

Полный мотивов и тем из Шекспира, роман Трижиани —
эпическая история о семье, секретах и погоне за мечтой.

Popsugar

АДРИАНА ТРИЖИАНИ
ПОЩЕЛУЙ,
КАРЛЮ!

Адриана Трижиани
Поцелуй, Карло!

«Фантом Пресс»

2017

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Трижиани А.

Поцелуй, Карло! / А. Трижиани — «Фантом Пресс», 2017

ISBN 978-5-86471-806-3

1949 год, в Филадельфии послевоенный бум. Компания Доминика Палаццини и его трех сыновей процветает. Их жизнь идеальна – дела идут в гору, жены их любят, в семье мир и покой. Но покой ли?.. Давняя ссора Доминика и его брата Майка разделила семью на два враждующих клана, и вражда эта вовсе не затухла с годами. Доминик и Майкл за двенадцать лет не перемолвились и словом. Ники уже тридцать, он правая рука своего дяди Доминика, но мечтает он о совсем иной жизни — жизни на сцене, а пока тайком подрабатывает в местной театральной шекспировской труппе. И однажды ему придется сделать выбор: солидная, но обычная жизнь, какой ожидает от него семья, или совершенно новый путь, на котором он может лишиться всего. Действие романа перемещается из романтической деревушки в Северной Италии на оживленные улицы Филадельфии, из сплоченной итальянской диаспоры — в космополитические завихрения Нью-Йорка. Новый роман Адрианы Трижиани – семейная романтическая сага, полная тепла, юмора и надежды. Как и в пьесах Шекспира, которые стали фоном романа, тут раскрываются давние секреты, срываются маски, разбиваются и воссоединяются сердца, ошибки исправляются, а любовь торжествует.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-806-3

© Трижиани А., 2017
© Фантом Пресс, 2017

Содержание

От автора	7
Увертюра	8
Пролог	13
Акт I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Адриана Трижани Поцелуй, Карло!

Памяти Майкла А. Трижани

Kiss Carlo by Adriana Trigiani

Copyright © 2017 by Adriana Trigiani

Памяти Майкла А. Трижани

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии William Morris Endeavor Entertainment и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Елена Калявина, перевод, 2018

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2019

От автора

Действие романа начинается в 1949 году, после Второй мировой войны. Америка ликования, празднуя победу отважных мужчин и женщин из наших семей, которые бесстрашно сражались за демократию вместе с союзниками со всего мира. Отношение к вопросам личной свободы, работы, искусства, семейной жизни и религии, а также восприятие властей изображены здесь сообразно эпохе. Специфический язык, использованный для описания женщин, девушек, цветного населения и иммигрантов, ныне считается устаревшим и оскорбительным. Слова, которыми сегодня мы говорим друг о друге, изменились. Надеюсь.

Увертюра

1 мая 1949 г.

Розето-Вальфорторе, Италия

Прохладный ветерок качнул старинную ветроловку на балконе спальни посла и его жены. Хрупкие стеклянные колокольчики зазвенели, словно хрусталь на свадебном застолье.

До войны палаццо славилось своим великолепием: терракотовая черепичная крыша, мраморные полы, резные монастырские двери. Расположенное на самом высоком холме Розето-Вальфорторе, оно напоминало горделивую колокольню, разве что колокола не хватало. Величали его Палаццо Фико¹ Регале: склоны холмов, каскадом спускавшихся к дороге на Рим, были сплошь покрыты смоковницами. Летом смоквы пышно зеленели, обремененные фиолетовыми плодами. Зимой их голые сучья, обмотанные тюрбанами из мешковины, напоминали салютующих чернорубашечников Муссолини.

В спальне супруга посла, синьора Элизабетта Гуардинфанте, заботливо упаковывала мужнину парадную форму. Элизабетта была невысокой брюнеткой с темными, как чернильные отпечатки пальцев, глазами – сплошные радужки, белков почти не заметно. Хрупкость сложения и тонкие губы она унаследовала от своих французских предков, живших на севере Италии.

Она скатала красно-бело-зеленую ленту в тугий валик, похожий на раковину улитки, – когда муж развернет ее, шелк без единой морщинки ляжет наискось на его груди. Приколола орденскую ленту и золотой атласный аксельбант к ярко-синему мундиру, затем пристегнула к рукавам расшитые стеклярусом обшлага. Повесив мундир на обитую ватой вешалку, уложила его в мягкий муслиновый чехол, словно младенца в кружевной конверт. Теперь брюки. Элизабетта перекинула их через перекладину деревянной вешалки и тщательно разгладила лампасы на каждой штанине, прежде чем упаковать в отдельный чехол из муслина.

Бетти поместила мундир в открытый одежный кофр, произвела ревизию содержимого и добавила шесть пар носков, включая те три пары, что она заштопала, перед тем как собирать мужа в дорогу. Осмотрела черные лаковые туфли, каждая из которых лежала в отдельном замшевом мешочке, и вынула левую. Углядев на носке пятнышко, Элизабетта до блеска отполировала ее краешком передника. Потом завернула деревянную чашку для бритья, помазок, круглый кусочек мыла и опасную бритву в льняную салфетку, после чего засунула сверток в отполированную туфлю и спрятала обувь в кофр.

Элизабетта осмотрела безупречные стежки на подоле сорочки мужа: ей пришлось сделать обтачки из собственной шелковой рубашки, чтобы подшить обветшалую ткань. Довольная тем, что у мужа есть все необходимое для предстоящего путешествия, она подвесила внутри кофра маленькие сетчатые мешочки, наполненные душистыми бутонами лаванды и кедровой стружкой, тщательно завязав их на два узла. Эти мелочи останутся незамеченными, но она все равно сделала их для мужа, потому что знала, как они важны.

Она защелкнула крышки на нескольких обитых бархатом шкапулках, в которых хранились форменные золотые запонки Итальянской армии, зажим для галстука и две медали, полученные отцом посла во время Первой мировой, *al valor militare* и *merito di guerra*². Массивную золотую медаль *aiutante*³ времен Второй мировой она оставила на ночном столике. Это подарок предыдущего посла, который был рад-радехонек от нее избавиться: на одной стороне медали –

---

¹ *Fico* – смоковница (ит.). – Здесь и далее примеч. перев.

² «За воинскую доблесть» и «За боевые заслуги» (ит.).

³ Адьютант, флаг-офицер (ит.).

чеканный профиль Бенито Муссолини, на другой – эмблема, соответствующая званию майора армии Италии.

Такой ужасной зимы, какая выдалась в 1949 году, никто не мог припомнить. Селевой оползень, случившийся из-за ливневого паводка на реке Форторе, на несколько месяцев отрезал жителей высокогорных районов от прочего мира. Военные отправили спасательную группу, чтобы доставить бедствующим провиант и лекарства, но подводы не смогли добраться до городка, поскольку Виа-Капелла-делла-Консолационе – единственную дорогу туда – смыло начисто. Вместо того чтобы спасти розетанцев, военные чуть не погибли сами, соскользнув по крутому склону в мрачное и глубокое озеро грязи, в которое превратилась долина.

Жители Розето-Вальфорторе утратили всякую надежду на помощь до самой весны. Солнце, прятавшееся почти всю зиму, внезапно выплеснуло на город белые струи, словно золотые лучи на дароносице в нише церкви Санта-Мария-Ассунта.

– Пора, Бетти.

Карло Гуардинфанте стоял в дверях спальни, одетый в свой единственный коричневый шерстяной костюм с широкими лацканами и лучшую бледно-голубую сорочку. Жена поправила мужу узел на бежевом в розовую полоску галстук и опустила в нагрудный карман пиджака билет в оба конца и телеграмму, подтверждающую его прибытие на место.

Карло родился на юге Италии, и темперамент у него был типично южный, однако внешнестью он отличался от своих земляков. Обладая свойственной им страстностью, он не унаследовал насыщенной средиземноморской смуглости и темной масти. Веснушчатое лицо селянина с севера, широкие ладони пахаря, а росту отмерено целых шесть футов два дюйма – генеральская статья, никак не меньше. За широкий размах в плечах его прозвали *Спадоне* – Меч.

– Все готово, милый.

Бетти заглянула мужу в глаза. В ярком утреннем свете они были как тихие морские волны в порту Генуи, больше зелени, чем синевы. В рыжеватых волосах уже виднелись белые блики, слишком ранние для мужчины тридцати восьми лет, – напоминание о пережитом. Последние несколько лет Карло провел в заботах о жителях своей провинции, разочарованных отсутствием всякого развития, движения вперед. Их тревоги и печали очень сильно сказались на нем. Карло так исхудал, что Элизабетте пришлось пробить две лишние дырки на ремне и самой установить пистоны. Она укрепила маленький медный наконечник на длинном конце петли, и стало совсем незаметно, что ремень укоротили.

– Ну как тебе ремень? – Она потянула за петлю.

Карло погладил медную насадку и улыбнулся. У него была щербинка между передними резцами, и среди односельчан это почиталось признаком удачи, поскольку теоретически туда можно просунуть монетку, а это значит, что фортуна будет благоприятствовать всю жизнь. Но Карло не чувствовал себя везунчиком, и все надежды на процветание оказались смыты напрочь вместе с дорогой на Рим.

И Карло стал пытаться счастья, где только выйдет.

– Может, прикинуться, что это новый итальянский шик?

– А почему бы и нет?

Карло поцеловал жену в щеку, достал бумажник, открыл его и пересчитал лиры.

– Тут больше. Ты что, священника пристукнула?

– Умная жена откладывает деньги, не посвящая в это мужа.

– Твоя мать хорошо тебя обучила.

– Не моя, – усмехнулась Бетти, – а твоя.

Карло погладил жену по попке.

– И дуче тоже упакуй.

– Ох, Карло. Американцы его ненавидят.

– А я переверну медаль майорской эмблемой вверх. Пусть его *faccia*⁴ смотрит мне в сердце. Может, эта сволочь хоть на что-то доброе сгодится.

– Лучше всего было бы переплавить ее и продать.

– Чем больше золота я на себя нацеплю, тем важнее буду смотреться. Грудь у меня должна звенеть, как тамбурин.

Карло захлопнул шкатулку и подал ее жене.

– *La bella figura*.

– *Va bene*⁵.

Элизабетта взяла медаль с ночного столика и, положив к остальным, закрыла на замок в сейфе внутри кофра. Карло крепко прижал к себе жену.

– Когда я вернусь, мы покрасим виллу.

– Тут покраской не обойтись, – вздохнула Элизабетта, беспомощно оглядывая комнату. Штукатурка растрескалась, на потолке ржавые потеки, парчовые шторы прохудились, но больше всего огорчали квадратные фанерные заплатки, что заменяли оконные стекла, разбившиеся из-за сильных ветров. Элизабетта снова вздохнула. Узорчатые окна были самой ослепительной деталью жилища, их доставили из самой Венеции, а теперь пустые рамы смотрелись как выбитые зубы в некогда прекрасной улыбке. – Нашему дому поможет только чудо.

– Добавь его в список, Бетти, – обнял ее Карло.

– Нам жизни не хватит починить все, что нуждается в ремонте.

Нельзя сказать, что Карло легкомысленно воспринял свое назначение в качестве *Ambasciatore da Provincia di Foggia e Provincia di Capitanata da Apulia*⁶, и он вовсе не считал эту должность формальной. Он хотел творить добро, но к почетному титулу не прилагались никакие ассигнования, а о поддержке и говорить нечего. По всей Италии – от Средиземного моря до Адриатики, от севера до юга – репарации пошли на восстановление береговых линий, электростанций, важнейших заводов и фабрик. Это почти не имело отношения к Розето-Вальфорторе и прочим деревушкам. Оказавшись в бедственном положении зимой, Карло был не в состоянии добраться до Рима и молить о помощи, а на все письменные просьбы получал вежливый ответ, что где-то еще есть нужды куда более срочные и насущные.

Святая Католическая церковь рекомендовала ему собрать жителей города, дабы те сами поработали на общее благо, но в Розето-Вальфорторе почти не осталось молодежи. Кто-то умер в войну, многие уехали в Неаполь искать работу на побережье Амальфи или на восток Адриатики, чтобы наняться на торговые суда. Большинство розетанцев, впрочем, эмигрировали в Америку, где было море работы на сталелитейных заводах, фабриках и стройках. Те, кто остался, были слишком бедны, чтобы отважиться уехать, и слишком стары, чтобы этого хотеть. Жизнь, куда ни глянь, стала унылой и беспросветной. Так и не дождавшись признаков перемен к лучшему, Карло предпринял последний шаг для спасения своего городка.

Солнце омывало городишко белым светом, когда Карло в костюме и фетровой шляпе и Элизабетта в соломенной шляпке, льняном пальто и парадно-выходных черных туфлях появились на пороге своего дома. Блестящая пара внушала уверенность на фоне послевоенной разрухи: дырявые черепичные крыши многих строений были наспех залатаны первыми попавшимися досками, древние каменные стены лежали в руинах, мощенные булыжником улочки щерились глубокими выбоинами.

Следом вышел старый слуга. Опустив голову, он жевал табак и нес на плечах дорожный кофр Карло с такой легкостью, будто багаж для него не тяжелее пуха, а сам слуга по-прежнему молод.

---

⁴ Лицо (*ит.*).

⁵ Красота. – Ну хорошо (*ит.*).

⁶ Посол от провинции Фоджа и капитаната региона Апулия (*ит.*).

Горожане, высыпавшие на извилистые улочки, чтобы проводить посла, махали, как флагами, длинными зелеными ветками кипариса. Карло приподнимал шляпу и кланялся людям, их приветствия и восторги были словно глотки студеной воды для его жаждущей души. Женщины продирались вперед, протягивая запечатанные конверты, которые Элизабетта собирала, обещая, что муж передаст весточки лично в руки каждому адресату, как только прибудет на место.

Слуга погрузил кофр на повозку, недавно выкрашенную в ярко-желтый цвет – отчасти для того, чтобы отвлечь внимание от запряженного в нее дряхлого ослика. Животное тоже принарядили в честь такого важного пассажира: к уздечке привязали розовые и зеленые ленты. Карло улыбнулся, размышляя о том, что украшение на ослике смотрится точь-в-точь как новая шляпка на старухе – попытка хоть на время отвлечься от неизбывного.

Посол взобрался на открытое сиденье. Эхо всеобщего ликования прокатилось по улицам, когда Элизабетта, высоко подняв стопку писем, вручила ее мужу. Карло склонился к жене, чтобы поцеловать на прощанье. Толпа расступилась, когда повозка покатила по мостовой и Элизабетта пошла за ней следом. Розетанцы воссоединились у нее за спиной, провожая посла. Стайка девочек бросала розовые лепестки и кричала: «Поцелуй, Карло!» А их матери бежали рядом с повозкой и тянули к нему руки. Женщины трепетали, когда Карло наклонялся к ним, пожимал руки, целовал их.

Падре Де Ниско, облаченный в черную сутану, стоял на белых мраморных ступенях церкви. Он осенил крестом проезжающую мимо повозку. Возница и Карло склонили головы и перекрестились.

На выезде из города молодая мать выступила вперед и подала Карло свое новорожденное дитя. Карло протянул к младенцу руки и нежно принял белый сверток. Он прижал малыша к груди и поцеловал в щечку.

Глядя на мужа с ребенком на руках, Элизабетта смахнула слезинку. Перед ней возникло видение ее самой заветной мечты.

Когда-то на улицах Розето-Вальфорторе было полно колясок, перед войной в городке родилось не меньше сотни младенцев. А теперь они такая редкость. Как этот вот малыш. Мысль о детях заставила Карло еще сильнее желать осуществления своего плана.

Когда повозка проехала через городские ворота, толпа остановилась с прощальными возгласами.

- Народ вас любит, – заметил возница.
- Любят, пока нужен.
- А когда станете не нужны?
- Найдут себе новую любовь. – Посол надвинул шляпу на глаза. – Как дорога?
- Если осторожно, то доедем.
- Вовремя?
- Наверное. В Фодже вас ждет машина.
- А бензина-то хватит? – спросил Карло с усмешкой.
- Зависит от того, сколько заплатили шоферу.
- И вам, – улыбнулся Карло.
- Я не ради удовольствия работаю, *амбашьяторе*.
- Как и все.

– Италия забыла о нас. Все деньги идут в Рим, Милан. Даже Болонья отхватила кусок от репараций.

– На железную дорогу. – Карло не собирался вести политические дискуссии с кучером, он слишком хорошо знал, что его город просто позабыли. – Болонья – важный железнодорожный узел.

– Конечно, но мы-то ведь тоже важны. Мы, крестьяне, кормим народ, а народ нас же голодом морит. Забросили деревню и спасают города.

– Можете ехать чуть быстрее?

– Нет, если хочу остаться при всех четырех колесах. Таких дрянных дорог, как у вас, я еще не видал.

– Благодарю за высокую оценку, – сказал Карло, глядя на карманные часы. – Мне надо успеть на корабль в Неаполе.

– Как у вас насчет везения?

– Ну, солнце сияет, хотя я уже и не надеялся, так что, думаю, у меня с везением все отлично.

Посол был на пути в Америку и отчаянно нуждался в удаче.

Карло обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на свое селение. Склоны холмов казались кучами мокрой грязи, на которых кое-где пробивались робкие, но обнадеживающие зеленые ростки. Хилые стволы смоковниц чудом выжили, настырно уцепившись за землю, и сами по себе олицетворяли надежду.

Каменные домики сгрудились на вершине горы, словно щербатые миски на полке. Не все еще потеряно, но того, что осталось, не хватит, чтобы спасти его дом.

Карло глядел, как его жена пробирается сквозь толпу, чтобы в последний раз посмотреть вслед повозке. Карло помахал ей. Элизабетта прижала руку к сердцу, и он еще сильнее, до боли в подвздошь, ощутил груз необходимости вернуться победителем.

Лицо Элизабетты – последнее, что запечатлелось в памяти Карло. Оно будет сопровождать его всю дорогу до Неаполя и на борту корабля, который отвезет его в Америку, на всем пути в маленькую деревню в Пенсильвании, где, он был уверен, хранился ключ к спасению Розето-Вальфорторе. Он слышал, что в Америке все разорванное можно заштопать, там находится решение для любой проблемы, деньги там текут, как сладчайшее вино на пиру, и не иссякают.

Посол Карло Гуардинфанте скоро своими глазами увидит, правда ли это, на самом ли деле земля упований и надежд станет таковой и для него, чтобы он мог спасти свое селение и людей, которых любит.

Пролог

1 мая 1949 г.
Филадельфия

*Philadelphia est omnis divisa in partes tres*⁷.

Все в Филадельфии было разделено на три части, потому что Дом Палаццини и его брат Майк не разговаривали друг с другом с 1933 года (или около того, дата весьма размыта и разнится по обе стороны вендетты). В результате конфронтации братья разломали надвое прибыльный семейный бизнес – компанию «Такси Палаццини», а с ней и город, который компания обслуживала.

*Hoc est bellum*⁸.

Дом востребовал Монтроуз-стрит и все кварталы южнее, а Майк взял себе Фицуотер, Центр-Сити и на север от них. Было решено, что Брод-стрит – с севера на юг – останется нейтральной территорией. Подбирать и высаживать пассажиров можно по обе стороны без ограничений. Подброшенная монетка рассудила, что Дому останется семейное имя «Такси Палаццини», а Майк наречет свое новое коммерческое предприятие «Пронто: такси и лимузины».

Братья побили горшки из-за денег. Деньги – причина всех раздоров в любой итальянской семье со времен этрусков, однако подробности ссоры зависели от того, кто вас в них посвящает и по какую сторону от Брод-стрит он живет.

Клочок земли на Монтроуз-стрит отец пообещал оставить Дому, это на словах, а на деле – в завещании – указал наследником Майка. Майк собирался продать участок брату, который уже выкупил Майкову половину семейной усадьбы сразу после смерти отца, но Дом и так чувствовал себя законным наследником этой земли и считал, что она просто должна быть включена в его долю без дополнительных расходов с его стороны. В конце концов, именно Дом жил с отцом в фамильной усадьбе и именно жена Дома заботилась об отце до самой его кончины.

Увы, к предполагаемому подарку приложился счет на оплату. Посыпались оскорбления. Дом обозвал Майка неблагодарным, а Майк обвинил Дома в воровстве. Куда делись наличные на непредвиденные расходы в 1932 году, а? Кто их взял? Почему это всплыло сейчас? Однажды вечером произошел инцидент, когда не удалось сдать выручку в банк. Что случилось с деньгами? Годами вызревавший гнойник вскрылся – истинные чувства прорвались наружу. Майк назвал Дома «скупердяем, по дешевке отхватившим дом». А Дом нарек Майка «сусальным Чарли». Майк и в самом деле был любезен до приторности, что называется, куда угодно без мыла пролезет, или с мылом – тем самым, что разводили в ведрах, когда драили таксомоторы и натирали их до блеска. Дом не делал скидок и вообще был весьма негибок по части оплаты, так что клиентура уходила к конкурентам, а Майк, который ладил с людьми и куда лучше умел договариваться, сидел тихо под пятой твердолобого старшего брата-всезнайки.

Упреки посыпались один за другим, как куски слоеной свадебной выпечки на венецианский стол. Перешли на личности. Майк дни напролет играл в карты и резвился в Атлантик-Сити, пока Дом прикрывал его и вел все дела. Дом – старомодный наивный иммигрант-итальяшка, а Майк – дешевый америкашка, забывший свои корни. Майк понабрал займов под залог бизнеса, отгрохал дом на Фицуотер с бассейном и мраморным фонтаном во дворе и вообще жил на широкую ногу. А Дом, в жизни не бравший ни цента в долг, жил сугубо по средствам и обходился корытом, которое наполнял из садовой лейки. Скандал, да и только.

---

⁷ Филадельфия по всей своей совокупности разделяется на три части (*лат.*) – аллюзия к цитате *Gallia est omnis divisa in partes tres* из «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря.

⁸ Это война (*лат.*).

Но это были цветочки. Потом пошли ягодки.

К сваре подключились жены.

Домова жена Джо и жена Майка Нэнси были друг дружке как сестры. И вдруг все оборвалось. Мученица Джо заботилась о свекре до последнего его вздоха, кормила-поила-обстирывала и каждое воскресенье безропотно накрывала обеды для обеих семей, пока Нэнси выпендривалась, наряжалась в леопардовые пальто на красной атласной подкладке и грезила о шикарной жизни на Мейн-Лайн в окружении слуг и служанок. Джо носила простое драповое пальто, сама шила себе одежду и шторы на окна, зато Нэнси шастала к портнихе, заказывала портьеры в «Уонамейкере» и разъезжала на кобальтовом «паккарде».

Когда фирма стала преуспевать, Джо продолжила экономить, а Нэнси начала транжирить. Джо по-прежнему носила свое простое золотое обручальное кольцо, а Нэнси пошла в гору. Зубцы ее помолвочного кольца расширили, чтобы место скромного четвертькаратного брильянтика мог занять сверкающий брильянтище в три с половиной карата. Изящную золотую цепочку на шее Нэнси сменила толстая, как лапша *панарделле*, цепь, а на ней болтался новый роскошный медальон, которому позавидовал бы сам папа римский.

Джо хозяйствовала по старинке, храня традиции своей сицилийской семьи. Она с удовольствием сидела дома и нянчилась с мальчиками Нэнси наравне со своими собственными, а Нэнси в новенькой шляпке от «Мистера Джона» уезжала в город и прохлаждалась на вечеринках, где более-менее итальянскими, кроме нее самой, были разве что кружева на скатерти. Нэнси лезла наверх, и вскарабкалась она туда прямо по добросердечной Джо, оставив после себя синяки и ссадины. Дом встал на защиту Джо, а Майк вступился за Нэнси.

Дом и Майк настолько ожесточились друг против друга, что выплеснули свой раздор на улицу, чего не делала ни одна итальянская семья с тех пор, когда Ромул и Рем называли волчицу мамой; о скандале прознала вся округа. Доброхоты-наблюдатели не преминули подлить масла в огонь, разжигая распрю сплетнями и напраслиной, и трещина становилась все глубже.

Правда обросла шипами кривды и превратилась в разрушительный стенобитный шар, начисто разобшивший два семейства.

Каждый итальянец знает: если подливка подгорела, то уже ничто не поможет. Единственный выход – вылить ее, выскоблить до капли, выбросить вместе с горшком. Доминик и Майк выбросили друг друга окончательно и бесповоротно.

Семейные разлады не были внове в Южной Филадельфии. Району Саут-Филли всего досталось вдвое, так что он был приспособлен к любому семейному разрыву. Семья могла расколоться и выжить, заселив полдома в новом особняке для двух семей, платить десятину другой церкви, отправить детей в другую школу и даже стричься в конкурирующих парикмахерских, чтобы никак не пересекаться. Жизнь могла себе течь своим чередом, вполне нормально, если считать нормальным состояние многолетней вражды между кровной родней.

*Vincit qui patitur*⁹.

Майк и Дом зажили на соседних улицах, не знаясь друг с другом, и жены их тоже не общались. Их дети – крошечное мальчишечье войско – поначалу были озадачены разрывом между командованием двух семейств, но быстренько усвоили, что лучше отказаться от всякой связи с кузенами, чтобы угодить родителям. Раз уж кузенов угораздило оказаться по ту сторону, то не стоит сердить тех, чье расположение гораздо ценнее. Годы спустя ядовитый цветок распустился и в душах новых членов семей, юных новобрачных, которые восприняли семейную вражду как часть клятвы верности и доказательство любви к своим молодым мужьям. Муж и жена – одна сатана.

---

⁹ Побеждает терпеливый (лат.).

Разрыв, похоже, не слишком тревожил Дома и Майка, несмотря на то что их осталось всего двое на белом свете – тех, кто помнил Неаполь пасмурным утром 29 апреля 1901 года. Тогда двенадцатилетний Доменико и одиннадцатилетний Микеле стояли рядышком на борту корабля, который должен был доставить их в Америку, к отцу, эмигрировавшему в Филадельфию и работавшему сварщиком на военно-морской верфи. Их мать скоропостижно скончалась от лихорадки, и ни у кого из родственников в Авелино не нашлось ни места, чтобы приютить их, ни средств, чтобы о них заботиться. Так что отец оплатил путешествие сыновей через океан.

Мальчики отчаянно тосковали по матери. Они были убиты горем и напуганы. Цепляясь друг за друга, братья крепко держались за руки (чего не делали с тех пор, как одному исполнилось три, а второму – четыре) на палубе «Арджентинии», сказав последнее *arrivederci*¹⁰ родному дому и даже не представляя, что ждет их впереди. Только Дом будет знать, что Майк плакал у него на плече, и только Майк будет знать, что Дом прошептал: *Non ti lascerò mai*¹¹. Может, Дом и поклялся никогда не покидать брата, но все разом позабылось годы спустя, когда один брат решил, что другой брат обжужливает его с клочком земли, которому грош цена в базарный день и который никому из них даром не был бы нужен, если бы отец не завещал его Майку, то ли бездушно предпочтя одного сына другому, то ли по совершенно иной, ему одному известной причине.

Их отец Доменико Микеле Палаццини был талантливым слесарем-монтажником, а еще он был игроком и всю свою жизнь превратил в соревнование, на которое мог сделать ставку, побиться об заклад. Особое удовольствие он получал, срамливая сыновей между собой. Лишенный мягкого воздействия жены, он был настоящим задирой и громилой, и сыновья знали, что выжить рядом с ним можно, только угождая ему.

После смерти старика всем правило золото, а Дом и Майк стали его верными вассалами. Дом не желал вспоминать об отце, а Майк хотел занять отцовское место. Их королевство, включая процветающее дело – такси и весьма скромную недвижимость, теперь было разделено пополам, как выигрыш в покере.

Братья усвоили, что половина чего-то прекрасного – это лишь половина, но озлобление их было таким глубоким, что мешало тужить об утраченном. Они жили через улицу друг от друга – достаточно близко, чтобы Майк мог унюхать аромат воскресной подливки Джо, а Дом – услышать пение Синатры из колонок первоклассного проигрывателя Майка в предрассветный час, но достаточно далеко, чтобы не позволить гневу воспалить честолюбие и попытаться одержать победу над врагом. Долгих шестнадцать лет прошло, но рана была все еще свежа.

*Alea iacta est*¹².

---

¹⁰ До свидания (*ит.*).

¹¹ Я никогда тебя не покину (*ит.*).

¹² Жребий брошен (*лат.*).

АКТ I

Тот забракован, кто вступает в брак!
*У. Шекспир. Все хорошо, что хорошо кончается*¹³

1

2 мая 1949 г.
Филадельфия

Эльза Палаццини обегала рынок на Девятой улице: продавца рыбы, зеленщика, булочника, мясника и фруктовую лавку. Торговки добродушно переругивались с мальчишками-разносчиками, их голоса то и дело перекрывал стук деревянных ящиков, сброшенных на землю, скрип обрешеченных колес на тележках с товаром, когда те утыкались в прилавки, или оглушительный грохот льда, сыпаемого в металлические бидоны. Перед одной из лавок продавец с покупателем вели дела с глазу на глаз, *sotto voce*¹⁴, и лишь язык тела выдавал согласие или недовольство.

Солнце еще не взошло – единственным источником света на рынке под открытым небом были фары фургонов да голые лампочки, болтающиеся под красными в белую полоску торговыми навесами. Эльза проталкивалась сквозь толпу, пока не нашла разносчика, торговавшего свежими цветами. После дождя, шедшего ночь напролет, в воздухе висела зябкая изморось. Эльза продрогла и застегнула жакет на все пуговицы. Одинокая лампочка лениво раскачивалась под ветерком, выбрасывая полосы света на выставку серых ведер, наполненных свежими цветами. Эльза любовалась охапками фиолетовой сирени, желтых нарциссов, розовых пионов, клубами голубых гортензий и букетиками маргариток, пока наконец не нашла то, что искала. Она вытащила пучок перевязанных бечевкой шиповниковых розочек из набитого букетиками ведра. Ледяная вода потекла в рукав, когда она подняла розочки повыше, чтобы осмотреть. Поставив пучок обратно, вытащила другой, потом еще один, пока не отыскала тот, где лепестки были сомкнуты так плотно, что бутоны напоминали розоватые язычки пламени.

– На Майский праздник? – догадался продавец, заворачивая цветы в вощеную бумагу.

Эльза кивнула.

– Вчера все белые розы раскупили. Церковь Богоматери Доброго Совета в этом году выбрала все белое.

Эльза улыбнулась ему:

– Повезло мне. Все мои девочки одеваются в розовое. Кроме Королевы и статуи Девы Марии. И я уже сделала им венчики из белых розочек.

Эльзина речь – правильный английский с легким польским акцентом, – стройная гибкая фигура и врожденное изящество придавали ей толику аристократизма.

– Царица Небесная прежде всего, – сказал продавец.

– Конечно.

Эльза растегнула кошелек для мелочи и выудила семьдесят пять центов. Пока она плачивалась, к ним подошла женщина.

– До чего хорошенькие, – сказала покупательница, глядя на розы, которые цветочник передавал Эльзе.

---

¹³ Акт 2. Сцена 3. Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

¹⁴ Вполголоса (*um.*).

– Благодарю. Здесь всегда самые лучшие и свежие цветы на всем рынке, – подмигнула Эльза продавцу.

– Тогда, может, посоветуете, что выбрать – пионы или нарциссы?

– А что за повод?

– Свадьба.

– Тогда почему бы не взять и то и другое? Да прибавить к ним веточки лавра. – Эльза указала на лоснящиеся зеленые ветки, перевязанные бечевкой.

– Это было бы очень красиво. Вот только не знаю, что скажут женщины в синагоге.

– А какую синагогу вы посещаете?

– Б'Най Абрахам, – ответила женщина. – Слыхали о такой?

– На Ломбард-стрит? – Эльза услышала гудок мужниной машины и помахала ему, а потом снова повернулась к собеседнице: – *Мазел тов*¹⁵ невесте и жениху. *Шалом*.

– *Шалом*. – Женщина проводила Эльзу заинтересованным взглядом.

К тому времени, когда Эльза подошла к машине, Доминик Палаццини III уже выскочил и распахнул перед нею дверцу ярко-желтого такси. Он был высок, под стать супруге, и красив, как кинозвезда, – черноглазый жгучий брюнет, римский профиль, как у Роберта Тейлора¹⁶, и выразительные темные дуги бровей. Эльза чмокнула его в щеку.

– Ну, нашла, что искала?

– Точь-в-точь!

Доминик усадил жену на переднее сиденье такси.

– Чтобы найти то, что нужно, сюда надо приезжать засветло, – заметил он, закрывая за ней дверцу.

И забрался на водительское сиденье.

Эльза придвинулась к мужу и взяла его под руку.

– Давай прокатимся на реку? – предложил он. – Дорога вся наша будет.

Эльза взглянула на часики:

– Малыш скоро проснется.

– Там же Ма.

– Я не люблю пропускать утро с ним.

– Ты ничего не любишь пропускать, Эльза.

Эльза улыбнулась и положила голову на плечо мужу. Так они и ехали до самого дома.

А неподалеку, всего в нескольких кварталах, низкий туман цвета розового шампанского клубился над Монтроуз-стрит.

Южная часть Филадельфии сверкала. Неопрятный ряд домишек покрылся патиной, как морские ракушки, а серый портал швейной фабрики засеребрился в утреннем свете. Разверстые траншеи, пугавшие улицу, недавно перекопанную для прокладки труб, стали не просто канавами, полными грязи, а крепостными рвами с водой, реками, защищающими королевство, которое градостроители нарекли *Bella Vista*¹⁷.

Ники Кастоне, сжимая под мышкой пакет с завтраком, стоял на ступенях дома 810 по Монтроуз-стрит, где он жил с дядей Домом, тетей Джо и их сыновьями с тех пор, как ему исполнилось пять. Первая на сегодня сигарета болталась в уголке рта, свободной рукой он застегивал медные пуговицы на форменной куртке. Свежая ментоловая струя сигареты «Лаки Страйк» кольнула гортань, наполнила легкие, помогая Ники проснуться. На плече у Ники висел тубус

---

¹⁵ Желаю счастья, поздравляю (*идиши*).

¹⁶ Роберт Тейлор (1911–1969) – популярнейший американский актер кино и телевидения, один из самых заметных актеров своего времени.

¹⁷ Красивый вид (*ит.*).

на широком кожаном ремне. Он пристроил его на боку, как винтовку. Ники не просто смотрел, как солнце восходит, озаряя округу, он упивался его безмятежным сиянием. Он видел красоту мира даже там, где ее и в помине не было. Ему казалось, что вот такой особенный свет похож на фату невесты у алтаря, невесты, выдаваемой замуж по расчету, – фата скрывает все недостатки, но сулит чудесную тайну. Ничего плохого в этом нет.

Воздух наполнился нежными ароматами базилика, лимона и влажной земли. Братья Спатуцца – деревенские кузены Ники со стороны матери, живущие за рекой, в Джерси, – уже совершили свою ежегодную ночную доставку, привезя все необходимое для весенне-посадочных работ. Изобилие это разместилось на ступеньках крыльца, точно статуи в древнеримском атриуме, – горшки с кустиками томатов, урны с саженцами фиговых деревьев, лимонов и самшита. Ящики с проклевывающейся овощной рассадой обступили деревянные поддоны с побегами зеленых трав. Не иначе, тетя Джо заказала по экземпляру всего, что произрастает на Восточном побережье. Бирки трепетали на ветру, как лепестки. Официальные названия, начертанные на латыни, пробуждали память о том, как в детстве Ники прислуживал у алтаря во время мессы. *Nasturtium Gloria. Aster laevis. Specularia perfoliata...*

Лавируя между густой листвой, Ники восхищался эстетикой братьев Спатуцца. Итальянцы что угодно превратят в искусство, даже доставку навоза.

Скоро под мудрым руководством тети Джо и задний дворик, и плоская площадка на крыше, и каждый клочок земли, прилегающий к парадному крыльцу, возделают и засадят. Через несколько недель здесь будет *mille fiori*¹⁸, все буйство красок, когда расцветут клумбы вдоль дорожки. Придет август, и урожай из огорода заполнит их стол *al fresco*¹⁹ итальянским перцем, руколой, фенхелем и огурцами. Ники прямо-таки почудился вкус цветков цукини во рту.

Помидоры – основной элемент любой трапезы в доме Палаццини – приумножатся под спудом, в огорожке на крыше. Там, поближе к солнцу, они вырастут красные, мясистые и сладкие-сладкие, когда поспеют. Потом женщины сорвут их и сложат в берестяные корзины, которые мужчины спустят в подвал – на кухню. И тут уж все итальянское семейство примется за работу: помидоры будут вымыты, перетерты, их закатают в банки, и запасов томатного соуса хватит на всю долгую серую пенсильванскую зиму.

Ники перешел на другую сторону улицы – к гаражу, отпер раздвижные ворота под красной вывеской «Такси Палаццини и телеграф “Вестерн Юнион”» и толчком отодвинул створку вбок. Потом вытащил металлический шток из углубления над дверью, набросил крюки и развернул над тротуаром тент, нежно разгладив латаную-перелатаную материю, истончившуюся там, где дожди сражались с опорами; некогда парадно-яркие полосы поблекли. Он помнил те времена, когда полог был новым. Восемь лет спустя мы выиграли войну и все изменилось, причем не на шутку: семьи поредели, кто-то не вернулся с войны, будущее остальных было туманно. Были, конечно, и всякие приятные мелочи – в обиходе снова появились шелковые чулки и сахар. Некоторые стороны повседневной жизни в тылу завершили свое существование, включая государственные облигации внутреннего займа, благодаря коим такие любимцы публики, как Джимми Дуранте²⁰, засылались в места вроде «Палумбо» в Филли – чтобы подсобить денег «на общее дело». Больше не надо было жертвовать всем ради победы, собирать металлолом на нужды армии, чтобы потом из него отливали колесные спицы и бомбы. Все это осталось в прошлом.

¹⁸ Тысяча цветов (*ит.*).

¹⁹ На открытом воздухе (*ит.*).

²⁰ Джеймс Фрэнсис «Джимми» Дуранте (1893–1980) – американский певец, пианист, комик и актер. Грубый резкий голос, нью-йоркский акцент, юмор, джазовые композиции и выступающий нос сделали его одной из самых известных и популярных личностей Америки 1920–1970-х гг.

Провожая парней на фронт, Монтроуз-стрит излучала патриотизм и гордость. Флаги развевались на каждом здании, все витрины украшали фотографии солдат, чьи семьи проживали по соседству. Полог Палаццини, яркое красное пятно с широкими синими полосами на девственно-белом поле, смотрелся как знамя. К тому времени, когда Ники вернулся, краски успели вылинять до серого, розовато-лилового и бежевого – стариковские цвета, под стать пожилым мужчинам и женщинам, стоявшим под ними. Как-то в разговоре с дядей Домом Ники заикнулся о том, чтобы заменить материю, но тот ни в какую.

– Не протекает – и ладно. Холстины нынче кусаются! – рявкнул он.

Дядя Дом знал цену красоте, и, сколько бы она ни стоила, цена всегда оказывалась слишком высока.

Ники жалел, что дядя Дом не очень похож на отлученного теперь дядюшку Майка, который всегда заботился о внешнем виде. Тенты «Пронто-такси» менялись ежегодно, независимо от их состояния. Красные, белые и зеленые полосы сверкали как новенькие и в снег, и в дождь, и в зной. И даже более того: отворот полога, глядевший на улицу, искрился шикарными, вышитыми золотом вензелями в виде буквы «П», а латунные столбики, поддерживающие полотно над тротуаром, были отполированы до блеска. Дядя Майк и сам был роскошен, как шелковое покрывало от Мариано Фортунни²¹. Он носил костюмы итальянского покроя, шелковые галстуки и кирпично-красные мокасины, а дядя Дом одевался как владелец похоронной конторы, независимо от повода и погоды. У Дома имелся один черный шерстяной костюм и один костюм черной саржи. Оба компоновались с простой белой рубашкой из хлопка и черным галстуком. Свои черные кожаные туфли на шнурках он не менял с эпохи «ревущих двадцатых».

Когда дядя Майк входил в комнату, женщины трепетали, настигнутые ароматом экзотических пачулей и освежителя дыхания «Сен-Сен». Когда появлялся дядя Дом, он приносил с собой совершенно иной букет: от него несло дегтярным мылом и полоскателем для рта «Листерин» с легкой ноткой хлорного отбеливателя.

Ники было всего двенадцать, когда ему навсегда запретили общаться с дядей Майком, тетей Нэнси и их сыновьями Ричардом, Майклом и Энтони, которым их отец придумал прозвища – Рики, Мики и Трики. Ники скучал по своим кузенам, но из уважения к дяде Дому и тете Джо никогда даже не заикался, как сильно их ему недостает.

В гараже Ники проинспектировал автопарк, который перемыл вчера вечером. Даже в утреннем сумраке машины сверкали под светом дежурных ламп, как молочные ириски. Доминик III уже взял машину № 1, так что оставалось еще три авто. «Двойку» водил Джо, а «тройка» досталась Нино.

Ники водил «четверку». Он погладил свою машину по капоту по пути к лестнице. Жемчужина автопарка, сверкающий черный «бьюик-роудмастер» 1947 года, четырехдверный седан, покрытый бежевым замшевым чехлом, уединился в нише-алькове. Черный седан смотрелся нарядной лаковой туфлей в окружении будничных башмаков. Ники поправил на нем чехол, а потом продолжил свой путь по лестнице к диспетчерской – алюминиевой будке с окошком, сквозь которое хорошо просматривался весь гараж внизу.

Из-за открытой двери наверху доносилось отчетливое стаккато азбуки Морзе в исполнении диспетчера Гортензии Муни, отправляющей телеграмму. Ники знал, что сейчас ее рука лежит на рычажке, пересылая морзянку по проводам, голова опущена, глаза прикрыты. У миссис Муни всегда угрюмое лицо, независимо от содержания послания – будь то официальное сообщение или шуточная телеграмма. Осторожно, чтобы не побеспокоить Гортензию, Ники на цыпочках прокрался в диспетчерскую, повесил ключ от ворот на медный крючок, тихонечко положил сверток с ланчем на стойку и снял с плеча тубус. Он открутил колпачок на одном

---

²¹ Мариано Фортунни-и-Мадрасо (1871–1949) – испано-итальянский художник, дизайнер одежды, основатель собственного модельного дома (1906–1946), один из ключевых дизайнеров XX века.

конце и вытащил из тубуса длинный рулон, развернул новейшую карту дорог Пенсильвании и прикнутил ее к пробковой доске прямо поверх устаревшей версии.

Распорядок Гортензии Муни был неизменен. С понедельника по субботу она являлась на работу к четырем утра, автобус довозил ее от дома до Честнат-стрит, взбиралась по металлической пожарной лестнице позади гаража, отпирала дверь запасного выхода, заходила внутрь и по мостику на верхней галерее проходила в диспетчерскую, снимала зеленую фетровую шляпку с длинным коричневым фазаньим пером, прятала ее в ящик стола и вешала свое бурое вельветовое полупальто на крючок за дверь. Пакет с ланчем помещался в ее личный ящик в картотечном шкафу, а термос с горячим кофе ставился на стол. Кроме членов семейства Палаццини только у Гортензии имелся собственный ключ от гаража. И дело было не просто в удобстве. Дом доверял Гортензии свой бизнес, что означало – Дом доверял ей свои деньги, а это, в свою очередь, означало, что он доверял ей свою жизнь.

Гортензии Муни исполнилось шестьдесят три. Ее наняли диспетчером, еще когда Майк работал в компании, и она осталась здесь и после его ухода, хотя это решение далось ей нелегко, потому что она прекрасно ладила с обоими братьями. Майк предложил ей точно такую же должность в «Пронто», но у Гортензии были свои причины остаться работать на Монтроуз-стрит. И она решила трудиться здесь до пенсии. На ее гладкой коже цвета темного шоколада не было ни морщин – спутниц преклонного возраста, ни прочих отметин каких-либо трагедий. Улыбалась она широкой и белоснежной улыбкой – все зубы свои, как частенько сообщала Гортензия в ответ на очередной комплимент. А безупречная прическа «паж» каждую субботу профессионально освежалась в парикмахерской «Миссис Джонсон & Ко» в негритянском квартале на северо-западе Джермантауна.

В юности Гортензия славилась длинными красивыми ногами, зауженными в лодыжках, хотя по всем стандартам они были худоваты. Ступни ее тоже были длинными и донельзя узкими, и эти ступни, прикрепленные к длинным худым ногам, делали Гортензию, стоящую на остановке в ожидании автобуса, похожей на удвоенную букву «L». Нынче утром ступни бездумно притоптывали, пока Гортензия трудилась. Они будто отбивали ритм какой-то мелодии, слышной лишь ей одной.

Отослав телеграмму быстрым триольным стаккато рычажка и развернув свое кресло на колесиках к пишущей машинке, Гортензия принялась печатать, без труда дотягиваясь длинными пальцами до любой клавиши. Ники с удовольствием наблюдал, как работает Гортензия. Печатала она проворно, и звон каретки означал, что вот-вот ее с силой сдвинут в сторону. Ники это движение казалось уморительным – будто Гортензия с размаху давала оплеуху Джимми Кэгни²² в сцене драки.

Ники расчистил место на столе, открыл бумажный пакет, вынул из него содержимое, расстелил пакет вместо салфетки, прижав его стеклянной банкой с холодным яблочным сидром, и выложил свою трапезу.

Гортензия мельком глянула на Ники, когда тот открывал банку и скрип крышки отвлек ее. Ники виновато улыбнулся, а потом тихонько развернул вощеную бумагу, в которую был упакован его бутерброд, – так вор разворачивает бархат, внутри которого спрятаны изумруды.

Сэндвичи тете Джо всегда удавались на славу. Мяса в меру. Три тоненьких ломтика острой *капиколы*, слой сливочного масла на свежем сдобном хлебе и маринованный огурчик, завернутый отдельно, чтобы не размок весь сэндвич. Ничто так не насыщало Ники, как тетушкин сэндвич, и, перед тем как съесть его, он прошептал молитву, закладывая крахмальную

---

²² Джеймс Фрэнсис Кэгни-мл. (1899–1986) – один из наиболее востребованных актеров классического Голливуда, удостоенный в 1943 г. «Оскара» за лучшую мужскую роль. Кэгни с успехом воплотил в классическом Голливуде типаж «плохого парня», но всю жизнь боролся с навязанным ему штампом.

льняную салфетку за воротник форменной куртки. В уголке салфетки синим ирисом были вышиты его, Ники, инициалы.

Тетя Джо до сих пор собирала сверток с ланчем для Ники, стирала и чинила его одежду и намеревалась заботиться о нем, как заботилась о родных своих сыновьях, до самой свадьбы. Ники был единственным сыном ее сестры. Джо любила и баловала его, потому что он потерял мать совсем малышом, – бедный сиротка. Она даже представить боялась, что было бы, случись ее мальчикам пережить такую утрату, поэтому постаралась восполнить ее для Ники. Вдобавок Джо не могла устоять перед своим итальянским племянником, который мастью был настоящий американец: густая рыжевато-каштановая шевелюра и синие глаза, да еще улыбка, вспыхивающая, как лучи дальнего света фар «кадиллака», когда он проезжает по односторонней улочке глубокой ночью. К тому же Джо уже растила троих мальчишек. Одним больше – ну и что такого? Особенно если он такой хороший мальчик.

С Ники Кастоне не было никаких хлопот. Совершенно.

Ники откусил кусочек мягкого треугольника, зажмурился и медленно начал жевать, смакуя сладковатую ветчину, натертую острыми приправами. Он никогда не был одним из тех сирот, что жадно пожирают или ныкают еду. Наоборот – он не торопился, словно искушая сотрапезников забрать его порцию, ибо есть он ее будет до второго пришествия. Казалось, пища его вообще не интересует, но это было ошибочное впечатление, просто он не делал из еды культа. Съев свою долю, он никогда не просил добавки. Ему было неловко за тех, кто не умел вовремя встать из-за стола.

Потягивая сладкий сидр из банки, Ники опять задумался о времени. Он уже давно о нем думал, с тех пор как осознал, что годы пролетают, унося его с собой, как унесли когда-то его родителей. К двадцати восьми годам Ники пережил уже обоих. Поскольку отец с матерью были лишены роскоши планировать будущее сына и видеть, как он растет, Ники решил строить жизнь самостоятельно, пока еще не слишком поздно.

Настало время назначить дату свадьбы с Терезой Де Пино по прозвищу Пичи, добрых семь лет ходившей в его невестах. Ники уже порядком надоели прожигающие насквозь взгляды Пичино папаши, стоило Ники ненароком обнять его дочку, и мамочкины чрезмерно участливые расспросы, когда он заходил за невестой или провожал ее домой после свидания. От родителей невесты его бросало то в жар, то в холод, из-за чего у него развилась особая «южно-филлийская» лихорадка, излечить которую мог лишь отец Скифалакуа, сделав запись в книге при церкви Лоретанской Божьей Матери сразу после венчания.

Пичи не давила на него, не требовала немедленно назначить дату свадьбы, но Ники знал, что она переживает. Когда бы они ни приехали поужинать и потанцевать в Эхо-Лейк, стоило ей высосать через трубочку пару коктейлей «Май-Тай» из скорлупы кокосового ореха, она начала забавляться с пластмассовой обезьянкой, украшавшей коктейль, и мечтать о собственном доме с фигурной алюминиевой буквой «К» на дверях. Ей страсть как хотелось собирать крохотные зонтики и цирковых зверюшек, украшавших напитки, приносить их домой своим деткам, возвращаясь после вечеринки, проведенной с их отцом, чтобы показать им, что она никогда не забывает о любимых крошках.

Ники знал о ее мечтах. Но еще он знал, что, прежде чем дать Пичи то, чего она хочет больше всего на свете, он должен был бы признаться ей как на духу, где проводит время, когда не крутит баранку такси семейства Палаццини. Ему пришлось бы сделать это. Ники почитал честность наиважнейшей добродетелью, и вовсе не потому, что собирался стать праведником, но потому что честность облегчает жизнь. Он видел, что сделала непреодоленная ложь с его дядями, и поклялся, что подобное никогда не случится в семье, которую он однажды создаст со своей собственной женой.

Внизу Доминик III легонько посигналил три раза, въезжая в гараж, и машина № 1 вплыла на свое место. Ники встал и выглянул в окошко диспетчерской. Он смотрел, как его кузен открывает дверцу для своей жены, как она появляется из машины с букетом.

– Эльза раздобыла-таки свои розы, – сообщил Ники. – Вчера вечером оказалось, что их не хватает для праздника, и она даже расплакалась.

Гортензия пожала плечами:

– Может, она снова ждет ребенка.

– А может, она плакала, потому что старикашка Сабетти не все шипы удалил со стеблей и у нее на руках остались стигматы. – Ники наблюдал, как Доминик берет Эльзу за руку. – Доминик и Эльза до сих пор влюблены.

– До чего эти двое подходят друг другу.

Доминик помахал Ники.

– Ма готовит завтрак, – крикнул он. – Тебе всмятку или вкрутую?

– Да не надо. – Ники улыбнулся, помахал им в ответ, после чего снова уселся за стол и откусил маленький кусочек огурца и чуть-чуть сэндвича.

Гортензия скорчила гримасу:

– Нет бы перейти через дорогу, чтобы миссис Палаццини накормила тебя как следует. Какой смысл есть ланч на завтрак?

Она распрямила спину, сидя на стуле. Стол ее был усыпан разрозненными листками бумаги, там же находились стопка бухгалтерских книг в черных кожаных обложках, счетная машинка, а посередине – телефонная система, состоящая из темно-вишневой трубки, коммутатора с четырьмя мигающими кнопками, кнопки удержания и кнопки отбоя. В диспетчерской Гортензия была единственным объектом, который не светился и мог передвигаться.

– Странная у тебя манера питаться. Все остальные мальчики Палаццини едят трижды в день, как положено. А ты почему не берешь с них пример?

Ники пожал плечами:

– Наверное, потому что я – КаSTONE.

– И на все-то у тебя есть ответ. Ты скажи мне вот что. – Она скормила бумагу ролику телеграфной машины. – Если ты съедаешь обед на завтрак, то что ты ешь на обед?

– Ничего.

– Ничего не ешь с шести утра до шести вечера?

Ники кивнул.

– Это вредно.

– Кто сказал?

– Да все – от доктора до командования армии США. И как ты только выиграл войну, с таким-то ужасным режимом?

– Смелостью.

– Скорее, везением. Трехразовое питание – вот что требуется здоровому организму.

– Только не моему.

– Это для тебя плохо кончится, помани мое слово.

– Не волнуйтесь за меня, миссис Муни. Телу гораздо сложнее соблюдать навязанный ему распорядок, чем вообще отказаться от одного приема пищи.

– Ты ешь, как четырехлетка. Пора бы уже питаться по-мужски.

– Наверное, мне нужна жена. Будет заботиться обо мне.

– Что-то тебе точно нужно. Это все, что я знаю.

– С тех пор как женился Нино, дом набит, как голубец фаршем. И все пухнет. Мэйбл на сносях. У Эльзы маленький Дом, который вот-вот пойдет, да и Лина может в любую минуту объявить, что ждет прибавления. Мои кузены пополняют народонаселение Земли. Им нужно пространство.

– И куда ты пойдешь?

– На Уортон-стрит сейчас строится новый район, целый квартал домов на две семьи. И действительно славные дома. Два этажа. Линолеум на кухне, деревянный паркет в гостиной. Эркерное окно на фасаде. И крыльцо свое, и задний дворик, и подвал. А на улице перед входной дверью – место для стоянки.

– У тебя же нет машины.

– Пока нет. Но будет.

– А где же ты найдешь средства, чтобы купить все это?

– Я сэкономил. И тетя Джо откладывала мою плату за жилье с тех пор, как я вернулся с войны. У меня уже хватит на первый взнос, а на остальное возьму ссуду в банке. В Первом национальном – для ветеранов скидки на проценты.

– Надо же.

– Хорошая сделка, правда?

– Твоя тетя Джо просто умница. Копила для тебя деньги. Не каждая тетка станет оплачивать первый взнос за дом для племянника.

– Она копила их не для того, чтобы я съехал. Она надеялась, что я приведу Пичи к нам. Но Пичи ни за что не станет жить с Палаццини. Она ведь единственный ребенок и не представляет себе, как это – жить в подвале. Пичи мечтает о собственном доме.

– Так, значит, все уже решено.

– Как только мы объявим день свадьбы.

– Ты так долго женишься, что твое предложение уже почти развеялось, как дым из трубки. Знаешь, я даже сомневалась, что свадьба вообще когда-нибудь состоится.

– И все же она состоится. Пичи Де Пино станет моей женой.

– Меня это не касается.

– Мне важно ваше мнение, миссис Муни.

– Тогда вот тебе мой совет: работа отдельно, а удовольствие отдельно. Ты когда-нибудь встречался с мистером Муни?

– Один раз только.

– И то случайно.

– Потому что у вас работа отдельно, а удовольствие отдельно. – Ники приподнял банку в шутовом тосте за здоровье Гортензии Муни и глотнул яблочного сидра.

– Уже учишься. Но ты бы мужа моего никогда и в глаза не увидел, если бы я тогда не упала в обморок и ему не пришлось забрать меня домой. Я, наверное, так и валялась бы на грязном полу, если бы не ты.

– Кто-то обязательно вас хватился бы, – сказал Ники.

– Может быть, – сказала Гортензия, уверенная в обратном. – В конце концов кто-то заметил бы, что телефон не отвечает, телеграммы не приходят и не отсылаются и все такое, и только тогда они, наверное, и бросились бы искать мое брэнное тело.

– Мистер Муни был очень любезен.

– Это он умеет, – сказала Гортензия, хотя давно уже прошли те времена, когда она испытывала к мужу теплые чувства. Тогда он был неплохим и даже хорошим, но со временем стал брюзгливым, а порой даже злым. Гортензия научилась не замечать его, как звук радиоприемника в диспетчерской, если парни в гараже меняли ее любимую блюзовую станцию на поп-волну.

– Мистер Муни изменился?

– Любой муж поначалу милый и добрый, если ты об этом. Все прекрасно и замечательно, пока ты не возразишь ему или не начнешь задавать неудобные вопросы, которых у тебя раньше и в помине не было. Так что если у вас все гладко, пока вы планируете свадьбу и медовый

месяц, то это не достижение, просто человек ведет себя так, чтобы получить от тебя желаемое. Истинное его лицо проявляется со временем.

– Но мы с Пичи начали встречаться еще до войны, – сказал Ники, переставляя карандаши в стакане на свободном столе. – Мы уже семь лет верны друг другу.

– Это не значит, что ты должен жениться на ней.

– Не должен – а *хочу!*

Он вытащил бумажник из заднего кармана, раскрыл его на фотографии невесты. Гортензия нащупала очки для чтения, висевшие у нее на шее на серебряной цепочке, поднесла их к глазам и критически оглядела этот «лакомый кусочек», стройняшку Пичи – чересчур костлявую, на взгляд Гортензии, – позирующую на пляже Уайлдвуд-Креста. Пичи была такой худой в этом своем цельном купальнике, висевшем на тощих бедрах, что ноги ее напоминали две соломинки, торчащие из ванильного молочного коктейля.

– Вот она, моя Пичи, – сказал Ники с гордостью.

– Помню ее. Как-то заходила сюда, несколько лет назад, с родителями. Брали у нас седан.

– Да, точно. Они навещали родню в Нью-Хейвене. Хотели произвести впечатление.

Гортензия кивнула.

– Своеволия ей не занимать. Всем указала, куда садиться в машине.

Ники спрятал бумажник в карман.

– А я люблю напористость.

– До поры.

– Это как?

– Когда устаешь от всего, что любишь в ней.

Ники привык к сентенциям миссис Муни. Однако на этот раз он не собирался позволить ей испортить ему настроение.

– Мне бы хотелось, чтобы вы познакомились поближе. Когда-нибудь мы с Пичи придем к вам в гости.

– Не хватало еще, чтобы парочка итальянцев переполошила мне всю улицу! Народ сбегится, будто конец света настал, обступит вас и станет глазеть.

– А вы приготовьте нам ужин.

– Ни за что, мистер Кастоне.

– Даже когда мы назначим день свадьбы?

– Даже тогда.

– Я хочу, чтобы вы пришли на свадьбу.

– Поглядим. – Это слово прозвучало как решительное «нет».

– Вы никогда не ходите на наши торжества.

– Я бы там неловко себя чувствовала.

– Потому что вы цветная?

Гортензия кивнула.

– Вы всегда этим прикрываетесь, – сказал Ники.

– А ты погляди на меня. Разве это не так? К тому же границы – это основа жизни. Распорядок и правила – основа дня. Структура имеет значение в трех сферах – в обществе, в архитектуре и в корсете. Все, что должно быть выстроено, нуждается в костях.

– Я же не прошу вас выстроить мост через Мейн-Лайн, я прошу вас прийти ко мне на свадьбу.

– И я сказала тебе, что не могу.

– Я считаю вас членом моей семьи.

– Ну... это не так.

Ники рассмеялся:

– Умеете вы разбить сердце.

– Умела когда-то, – вздохнула она. – Я не понаслышке знаю о романах и свадьбах. Я не останусь в стороне от твоей свадьбы только из-за цвета кожи, хотя это существенный резон. И не потому что ты католик, а я – нет, хотя и это могло бы стать причиной.

– А из-за чего же тогда, миссис Муни?

– Не скажу.

– Почему?

– Я хожу на свадьбы только тогда, когда уверена, что этот брак – на всю жизнь.

Лицо Ники вытянулось. Помолчав минуту, он спросил.

– Вам больно?

– Почему ты спрашиваешь? – Гортензия посмотрела на свои туфли.

– Мне кажется, вы испытываете ужасную боль, иначе ни за что не стали бы портить мне настроение. Знай я вас чуточку хуже, я бы подумал, что вы не желаете мне счастья.

Ники скатал салфетку, смел крошки, обмахнул стол салфеткой и убрал ее в пакет из-под ланча.

Гортензия видела перед собой не взрослого мужчину, а мальчика, которого она знала с самого детства. Из всего выводка Палаццини Ники Кастоне был ее любимчиком, хотя никто никогда не просил ее выбирать. Она вздохнула.

– Конечно, нет. Прости меня. Мне что-то нейдет в последнее время, сама не знаю, отчего это, все просто из рук валится. Какая-то хворь напала. Нежданно-негаданно, прямо как бурсит на мой сорок второй день рождения. Если хочешь знать, болит все. Такой уж у меня возраст. Наверное, лучше не стоит делиться со мной хорошими новостями, потому что я найду способ распустить их, ниточка за ниточкой, пока у тебя вместо целого ярда прекрасного шелка не останется только ветхая тряпица. Такая уж я. Я слишком много видела и слишком много знаю, так что слегка очерствела, похоже.

– Самую малость, – тихо сказал Ники.

– Любовь... знаешь, любовь – это хрупкая романтическая мечта, странствие двоих в уютной лодочке. Вы отправляетесь в плавание, когда на море тишь, а позднее оно начинает бурлить, поднимается ветер, шторм швыряет вас, и вы понимаете, что в лодке большая дыра, которую вы не заметили раньше, а теперь вы в открытом океане, и вам ничего не остается, как вычерпывать воду во мраке, под гром и молнии. Ни пищи вы не запасли, ни фонаря у вас, ни сирены. Все, что у вас было, – это любовь, но этого ой как мало. И вы начинаете тонуть. Вы оборачиваетесь друг против друга. Вы забываете, зачем вы вообще сели в эту лодку. Все, что вы видели вначале, – бескрайнее синее небо, яркое солнце и друг друга. И это видение ослепило вас. Любовь – это обреченное путешествие, где все хорошее остается позади.

– Наверное, на вас надвигается новый бурсит. Вы не думали об этом?

– Я забыла, что молодежь все так же любит путешествия, поэтому иногда становлюсь скептиком. Мне не хочется, чтобы ты думал, будто я не желаю тебе счастья. Но если ты считаешь, что Пичи Де Пино сделает тебя счастливым...

– Да, считаю!

– Ты можешь преклонить колена в темной комнате и помолиться пресветлому Господу Иисусу нашему, чтобы тот указал тебе иную тропу, потому что та, на которую ты ступаешь, не приведет тебя домой.

– Я хочу жить собственной жизнью. В своем доме.

– Конечно, хочешь. И будешь. Но ты должен быть осторожен. Надо подумать, Ники, поразмыслить.

– Неужто семи лет недостаточно, чтобы принять взвешенное решение?

– Порой даже пятидесяти лет недостаточно! Знаешь, я ведь сразу вижу, кто кому пара. Это дар. С первого взгляда я знаю, кто кому подходит. Я могу свести людей, которые предназначены друг другу. Я представляю себе этакий Ноев ковчег, только для людей, не для тва-

рей, ищущих спасения. Где угодно. Например, гуляя по Томпсон-стрит или сидя в автобусе, едущем по Брод, я могу взглянуть в толпу и найти двоих, которые никогда не сойдутся, хотя должны бы.

– Пичи хорошая девушка.

– Для кого-то другого.

– Она ждала меня. Всю войну. И сейчас ждет.

– Выдержка – не самый лучший повод выйти замуж, а чувство вины – не лучшая причина, чтобы жениться. Надо придумать что-нибудь получше, а то все тайны разоблачатся уже в брачную ночь, и возврата не будет. Ты – католик. Для вас развод невозможен. Либо вдовство, либо святость.

Ники подумал, что тут Гортензия права. Брак – это на всю жизнь. Много лет назад, когда отец Кьяравалле пришел к ним в класс перед конфирмацией, чтобы поведать о святых таинствах, он рассказал, что церковь смотрит на брак как на постоянное пребывание в одном из стальных ящиков Гудини, обмотанных цепями и закрытых на пять навесных замков, которые болтаются на цепях, как подвески на браслете, а ключи от них проглотил аллигатор, плавающий в реке Конго за полмира отсюда. Однажды попав туда, ты уже не сможешь выбраться наружу. И вот эта окончательность и бесповоротность, видимо, и стала причиной, почему Ники так долго тянул с женитьбой.

Ники будет совершенно уверен в своей жене, и никакой катастрофы не случится в брачную ночь. Не хотелось ему быть одним из тех простаков, которые наудачу женятся на первой попавшейся хорошенькой девице и остаются несолоно хлебавши в медовый месяц. Ники слышал ужасные истории о девушках, которые, проплакав всю первую брачную ночь, наутро убежали домой, к маме, поклявшись, что никогда и ни за что не вернуться к своим новоиспеченным мужьям. Он слышал рассказы о невестах, которые остались недовольны своими женихами, – оказывалось, что под фатой невинности скрывался недюжинный опыт. Много чего он слышал, и мораль у каждой басни была одна: найди добродетельную девушку, ибо добродетель уберет от всех проблем – финансовых, семейных, душевных или сексуальных.

По собственным наблюдениям Ники получалось, что каждая девушка, которая надеется выйти замуж, непременно добродетельна. Это было одним из условий получения помолвочного кольца в первую очередь. Как только Ники вручил Пичи Де Пино брильянт, она показала, что готова к близости определенного рода, и это обнадеживало. Он мог быть уверен, что она не такая, как пресловутая Вероника Веротти, чье имя наполняет ужасом сердце каждого молодого итаलो-американца из Саут-Филли.

Говорят, Вероника была так сильно травмирована увиденным в первую брачную ночь, что покинула спящего мужа в отеле «Голубая лагуна» в Атлантик-Сити, оставив свои кольца в пепельнице на ночном столике, села на ночной автобус до Норт-Халедона, что в Нью-Джерси, и на следующее же утро присоединилась к ордену салезианок в обители Святого Иоанна Боско, где и жила с тех пор под именем сестры Марии Иммакулаты.

Ники восхищался замечательными качествами Пичи – все эти годы, что он знал ее, она являла образец преданности и доверия. Но он также знал, что ни одна женщина не обладает всеми теми чертами характера и той внешностью, о которых он мечтал. И ни одна женщина не найдет в нем самом воплощение собственных идеалов. Пичи была честной, целеустремленной девушкой, здравомыслящей. И улыбалась она так тепло. У нее была постоянная работа – бухгалтер в универмаге «Уонамейкер». Она была практичной, могла починить всякую хозяйственную мелочь и скатать ореховый рулет, причем с одинаковой ловкостью, и Ники считал, что она не просто быстро все усваивает, она – разносторонняя натура. Даже если бы все это не было правдой, он любил Пичи, а Пичи любила его.

Гортензия тщательно свернула телеграмму, вложила ее в конверт, а конверт протянула Ники:

– Доставь-ка это срочно мистеру Да Понте на Северной Второй улице.

Ники надел фуражку с надписью «Вестерн Юнион» и спустился в гараж, который теперь был залит солнцем. Скоро кузены закончат свой завтрак, попрыгают в машины и тоже начнут смену. Садясь в «четверку», Ники припомнил шляпных дел мастера Да Понте. У него в магазине Ники купил Пичи зеленую замшевую шляпку, и Пичи так ею восхитилась, что попросила мистера Да Понте изготовить для нее свадебную фату, когда они назначат дату свадьбы. Ники улыбнулся этой мысли. Наверное, он больше всего любил в Саут-Филли именно это – не надо далеко ходить, чтобы получить все, чего душа пожелает. Ники представить себе не мог, как бы он жил где-нибудь в другом месте.

Выезжая задним ходом из гаража, он глянул наверх и увидел миссис Муни – она стояла у окошка диспетчерской и наблюдала за ним. Руки она сплела на поясе – эта ее поза напомнила Ники статую святой Анны за стеклом в подzemелье церкви Святой Риты Кашийской. Дрожь прошибла все его тело, когда он вспомнил, как ребенком ждал на скамейке своей очереди на исповедь. «Может, это знак? – подумал Ники. – А все остальное?»

Васильки, анютины глазки и нарциссы, высаженные вокруг крыльца у дома Борелли под номером 832 на Элсворт-стрит, выглядели довольно хиленькими. Отец с дочерью, обитатели дома, ухаживали за ними, в точности как прежде ухаживала хозяйка, но, с тех пор как ее не стало прошлым летом, сад загрузил. Сэм Борелли не был садоводом от бога, да и его дочка Калла тоже, невзирая на цветочное имя. Их умения лежали в другой области, но они старались как могли, чтобы небесно-голубой, обшитый деревом двухэтажный дом содержался так, как было заведено у Винченцы Борелли, включая возделывание клумб в саду.

Глядя в зеркало на шкафчике в ванной, Калла Борелли приподняла челку, спадавшую на лоб черной пернатой бахромой. Она просто перекрутила ее, чикнула маникюрными ножницами и отстранилась полюбоваться результатом. Вполне довольная, она взрыхлила пальцами короткие прядки, обрамлявшие лицо.

– Калла! – позвал отец, стоя у подножия лестницы.

– Иду, папуля, – крикнула она в ответ.

Калла накрасила губы ярко-красной помадой, причмокнула ими, чтобы помада ровнее легла, и пустила воду в раковину – смыть крохотные черные волоски, осыпавшиеся во время стрижки. В последний раз взглянула на модель в журнале «Харперс базар», брошенном на подоконнике. Фотография длинной, тощей, томно курящей сигарету парижанки, чью шикарную короткую стрижку она попыталась скопировать, имела мало общего с отражением американской итальянки в зеркале, ну и что? Калла не привереда и уж точно не французенка. Она захлопнула журнал.

Утреннее солнце заливало кухню дома Борелли, как включенные на полную мощность софиты заливают светом сцену. Вкусно пахло сладковатым томатным соусом, кипевшим на плите.

Сэм Борелли стоял над сковородкой с лопаточкой в руке, наблюдая, как пара свежих яиц томится в булькающем соусе. Яйца по-венециански. Через плечо у него висела прихватка. Сэму было уже под восемьдесят, и годы здорово обобрали его по части осанки и волос, но черные-пречерные глаза и неаполитанские черты, особенно густые брови, были такими же выразительными, как и в пору его юности.

Войдя в кухню, Калла покружилась:

– Ну как тебе?

– Хорошо.

– Я сама подстриглась.

– Ты не должна сама себя стричь. Это все равно что самой мастерить себе автомобиль.

– Мне некогда ходить по салонам красоты.

– А ты найди время.

Сэм тревожился за Каллу. Она была совсем не такая, как его старшенькие, Елена и Порция, которые ставили внешность во главу угла и для которых замужество и материнство – прежде всего. Калла будто перепрыгнула через несколько ступенек, когда дело дошло до женственности. Для младшей дочери Сэма естественным было оставаться бескорыстной и думать о себе в последнюю очередь. Но, как ни трудно было поверить в это, Калле исполнилось уже двадцать шесть, годы испарились стремительно, как утренний туман, и отец Каллы знал, что скоро дочка выйдет из того возраста, когда еще не поздно замуж. Сэм думал о том, что пора бы ей уже найти кого-то, полюбить и строить с ним будущее. Но это в нем отец волновался, а не художник. Художник был уверен, что Калла на правильном пути.

– И как это ты отважилась сама себя стричь?

– Ну я же стригу парики в театре. Вот я и подумала – что в этом трудного?

– Парики – не живые волосы.

– Так на живых даже лучше тренироваться. Если что не так сделаешь – отрастут.

– Жаль, о моих такого не скажешь, – вздохнул Сэм, потирая лысину.

– В Париже это сейчас самый писк. Называется «французская шапочка».

– Но мы в Саут-Филли.

– Может, нам не помешала бы толика «левого берега»²³ на наших делавэрских берегах. – Калла взяла со стола газету. – И как рецензия?

Сэм не ответил. Когда он ставил пьесу, то не спал в ночь после премьеры и ужасно переживал о рецензиях. Вчера состоялась премьера, и вечером после спектакля Калла поднимала картонный стаканчик с шампанским за ведущих актеров, потом мела вестибюль, мыла гри-мерки и наконец приползла домой и рухнула в кровать.

Калла пролистала «Филадельфия инкуайрер», пока не нашла короткую рецензию на свои первые режиссерские потуги в Театре Борелли.

– Нет чтобы на первой полосе поместить. Легче встретить итальянца в Публичной библиотеке Филадельфии.

– «Мистер Карл Борелли...» – прочла она вслух и выразительно посмотрела на отца: – Карл Борелли?

– Промашка номер раз, – вздохнул Сэм. – Надо было назвать тебя Сьюзи.

– Надо было родить себе сына, пусть бы он и был режиссером, а не какая-то дочь.

– Ты же знаешь, я – дамский мастер.

Калла продолжила чтение вслух:

– «Мистер Борелли... хм... замахнулся на “Двенадцатую ночь”, иногда у него получается комедия, но чаще – балаган...» – Она подняла глаза на отца: – А балаган – это не комедия?

– На грани. – Сэм перевернул яйца на сковороде.

– Он вообще не понял, что я сделала с Фесте. Я использовала его как рассказчика. – Калла плюхнулась на стул и продолжила читать. – Кто этот тупица?

– Этот парень любит своего собственного Шекспира, ему подавай все, как было в старом добром «Глобусе». – Сэм разложил глазки яиц на два ломтика поджаренного до золотисто-коричневой корочки итальянского хлеба, смазал томатной подливкой, в которой их томил, и увенчал блюдо кусочком сливочного масла, который тут же начал таять на этом аппетитном сооружении. Отец поставил тарелку перед дочерью, расстелившей на коленях салфетку. – Не обращай внимания на критиканов. Вспомни, что Верди говорил. Он мог позволить плохому отзыву в газете испортить себе завтрак, но обед – никогда.

---

²³ Левым берегом (фр. *rive gauche*) в Париже называют половину города, расположенную южнее Сены. Кроме географического, выражение «левый берег» в Париже обозначает также стиль жизни, манеру одеваться или особый внешний вид.

– Спасибо, папулечка, – сказала Калла, не отрываясь от газеты на этот раз. – Я бы так не разозлилась, не будь статья настолько дурацкой. Но рассвирепела бы сильнее, если бы это оказался хвалебный отзыв. Где все лавры достались бы какому-то Карлу.

– Но тебя не смущает же, что все шишки тоже на него посыпались?

Калла отшвырнула газету:

– Больше ни слова не прочту.

Она схватила вилку и принялась завтракать, наслаждаясь каждым кусочком.

– И то верно. – Сэм налил ей кофе. – Все хорошо, доченька?

– Я и не ждала хвалебных рецензий.

– Ну да, конечно.

– А ты откуда знаешь?

– Ты же у меня оптимистка.

– Уже нет.

Сэм рассмеялся.

– Это ведь первый твой спектакль. Поверь, ты славно потрудилась.

– Правда?

– Правда. Ты сотворила несколько вдохновенных сценических картин.

– У тебя научилась.

– И роли распределила правильно. И доброжелательно руководила актерами во время постановки. Ты добилась от Джози такой игры, какой я в жизни не смог бы добиться.

– Я ей сказала: «Меньше ветчины, больше горчицы», и сработало.

– Все сработало. И актеры так легко взаимодействовали друг с другом. Это все твоя заслуга.

– Я думаю, что они доверились мне благодаря вашим хорошим отношениям все эти годы.

Ты создал труппу, и они остались тебе верны.

– Нет, ты прекрасно знаешь, на что ты способна. И я тобой горжусь.

– Да, но... нам нужно сплотить их, и хорошая рецензия в солидной газете была бы ой как кстати.

– А на сегодняшний вечер сколько продано билетов? – Сэм сел за стол и налил себе чашку кофе.

– Половина зала от силы, а на завтрашний дневной спектакль и того меньше.

– Придется сократить службу.

– Знаю.

– И что ты надумала?

– Надумала, что сумею сама вести бухгалтерию. И обойдусь без костюмера.

– И парики сама можешь завивать.

– И суфлировать могу.

– Какая жалость. Мне нравится этот Ники Кастоне. Он отличный работник.

– Я знаю. Но у меня нет денег, чтобы оплачивать его труд. – Калла выглянула в окошко кухни, как будто надеялась, что решение финансовых проблем театра лежало на узловатых перекрестьях виноградных ветвей, оплетающих беседку ее матери. – Может, я смогу попросить Марио Ланцу поучаствовать в спектакле.

– Как только кто-то из Саут-Филли попадает в передрагу, он тут же кличет Марио Ланцу. Интересно, сколько может сделать один человек?

– Он не забывает свой старый район. Напишу-ка я ему письмо, – сказала Калла, ставя тарелку в раковину. – Я смогу все повернуть в нормальное русло.

– А может, этого и не нужно. Может, все идет как должно.

– Не говори так, папуля. Как же город будет без Театра Борелли? Это твое наследие. Надо чуточку больше веры. – Калла поцеловала отца в щеку. – Буду дома к ужину. Не натвори тут безумств.

Если Калла и заметила, что отец как-то побледнел, что он не в себе, то не подала виду. В это утро она больше беспокоилась о его театре, о труппе, которую он собрал, чем о нем самом.

– По лестницам не лазь, на стремянки не взбирайся. Ничего тяжелого не поднимай. Дождись, пока я вернусь домой.

– Да-да-да.

– Папа, я не шучу. – Калла схватила ключи и сумку и стремглав выскочила из дома. – Позвоню тебе в обеденный перерыв.

– Ты не обязана.

– Но мне хочется, – крикнула она и закрыла за собой входную дверь.

Оказавшись снаружи, Калла в один прыжок преодолела крыльцо, хотя на работу не опаздывала, добежала до калитки, но та заела и не открывалась. Калла стала биться в нее, но калитка не двигалась с места, и Калла пришла в ярость. Она снова дернула ручку, пнула калитку ногой, чтобы расшатать заржавевший механизм. Соседка – Пат Патронски, миниатюрная красавица-полячка примерно ее лет, – как раз шла на работу и увидела сражение с калиткой.

– Прочитала рецензии, да? – спросила она сочувственно.

– Всего одну. Но мне хватило.

Калитка поддалась. Калла вышла на тротуар и быстро направилась в сторону Брод-стрит. Ноги двигались медленнее, чем ей хотелось бы, и вскоре она бросилась бежать.

Калла солгала отцу. Эта рецензия ее просто опустошила. Газетчик сказал ее пресс-агенту, что рецензия появится не раньше выходных, и она надеялась, что у нее будет время подготовиться к худшему. Калла планировала прошерстить газету и в зависимости от того, хорошая там рецензия или плохая, либо оставить ее на столе, чтобы папа наслаждался, либо спалить в мраморной купальне для птиц на заднем дворе – отец годами сжигал там плохие отзывы в прессе. Теперь у нее осталось единственное средство избежать унижения – сбежать от него.

Трудясь над постановкой своей первой пьесы, Калла, разумеется, немало думала о том, как можно сделать это еще лучше. Она обладала собственным стилем, но была истинным продолжателем своего отца в том, что касалось разработки концепции, создания подхода, подбора актеров, режиссуры – кусок за куском, минута за минутой, чтобы каждая сцена была по-настоящему визуально интересна. Она помогала костюмеру создавать костюмы – стежок за стежком, помогала художнику-декоратору придумывать декорации. Даже помогала возводить остров Иллирию из проволочной сетки, мешковины и нескольких ведер настоящего песка. А этот критик? Что он возвел, кроме башни из уничижительных прилагательных, чтобы описать то, чего он не понял?

Туфли Каллы на бегу хлопали ее по пяткам, и пятки начали гореть. Она чувствовала себя так, будто попала в некое подобие ада и пламя ярости пожирает ее, начав с ног. Она неудачница. Сварганила никуда не годную постановку, испортила прекрасную пьесу. В библиотеке историки называли «Двенадцатую ночь» «дурустойчивой» пьесой. Они просто еще не встречались с такой дурой, как она. Дебют Каллы не стал ее триумфом – это была всего лишь «мягкая посадка», и ничего страшного она не принесла. Подумаешь, имя в газете неверно написали да пол перепутали, пренебрегая ею.

Ей невыносима была одна мысль о том, как она посмотрит в грустные глаза актеров, гримеров, костюмеров и рабочих сцены, которых еще нужно убедить, что не их работа стала причиной газетного злословия. Она должна их поддержать, обязана – это тоже ее работа. Но кто поддержит ее? Отец не шутил, когда говорил, что режиссер – самая одинокая роль в театре.

И хуже всего, большее всего, что вот эта гадкая рецензия лишала всяких надежд на продажу билетов. Калла могла выдержать удары по самолюбию, но удары по кошельку были невыносимы. Отец вручил ей ключи от театра в творческом смысле, но в финансовом он подсунил ей свинью. При мысли об этом у нее запекло глаза, и тут она услышала позади себя призывный свист. Вот умеют же мужчины выбрать самый неподходящий момент, чтобы привлечь внимание женщины. Свист она проигнорировала, только припустила еще быстрее.

– Эй, мисс Борелли! – крикнул мужчина из медленно скользящего рядом с ней такси № 4. Она перешла на стремительный шаг и только потом признала шофера – Ники Кастоне. – Подбросить? – спросил он.

– Нет.

– К чему этот спринт?

– Я опаздываю.

– Тогда вас необходимо подвезти. Садитесь.

– Нет, спасибо.

Чтобы отделаться от Ники, Калла ускорила шаг, но зацепилась, обходя яму на тротуаре, и у нее слетела туфля. Она споткнулась и приземлилась на четвереньки прямо на бетонный тротуар.

Ники остановился и выпрыгнул из машины.

– Прости меня, – сказал он, возвращая ей сбежавшую туфлю. – Я тебя отвлек.

Калла сидела на асфальте. Чулки на коленках порвались.

– Я же сказала, меня не надо подвозить.

– Ладно. Не надо так не надо. – Ники отдал ей туфлю и поднял руки вверх. – Я просто хочу помочь.

– Мне не нужна помощь.

Она встала, поставила туфлю на асфальт и сунула в нее ногу. Ники смотрел вслед уходящей Калле и вдруг заметил, какая у нее красивая фигура, плавные линии под простой юбкой и кофтой. Он никогда прежде не замечал Каллу – не в этом смысле, не при таком свете. Может, его целеустремленная преданность Пичи Де Пино пеленой застила ему глаза, а может, он просто никогда до сегодняшнего утра не видел Каллу в юбке, даже не был уверен, что у нее имеются ноги. Кроме того, она не вела себя как девушка. Она или руководила всеми вокруг, или была вся вымазана краской, или сражалась с двухщеточным полотером на мозаичных плитках театрального вестибюля. Полотер прыгал, как отбойный молоток, дергаясь на коротком проводе. Она вечно кружилась, но не как балерина, а как проворный механик на станции техобслуживания «Пеп-Бойз».

– Эй, Калла, – позвал он ее снова.

Она обернулась, нетерпение явственно выразилось в ее напряженной позе:

– Да?

– Чудесная стрижка.

Она улыбнулась через силу.

– Спасибо, – махнула она ему, скорее приветственно, чем прощально.

Джио, средний сын Дома и Джо Палаццини, нервно расхаживал внизу, в гараже, туда-сюда. Он осторожно высовывал голову из ворот, зыря по сторонам, но на улицу не выходил. Джио в свои тридцать лет остался коротышкой и комплекцией напоминал упаковочный тюк. Толстая шерстяная форма «Вестерн Юнион» его не украшала. То, что Бог недодал Джио в росте, он восполнил волосами. Черные, волнистые, сияющие и густые, дважды в день их приходилось укрощать бриолином «Уайлдрут».

Джио остановился и стоял достаточно долго, успев выудить пачку «Пэлл-Мэлл» из нагрудного кармана, встряхнуть ее, достать сигарету и зажать в зубах. С сигаретой во рту, он

принялся хлопать себя по карманам, разыскивая спички. Не нашел, но сигарету изо рта не вынул, спрятал руки в карманы и продолжил прохаживаться.

Гортензия покачала головой, созерцая сверху, из диспетчерской, эту до боли знакомую сцену. Джо снова попал в переplet. Несмотря на все предпринятые усилия, он никак не мог избавиться от привычки играть. Ничто не могло его исцелить – ни учеба в семинарии в Спринг-Гроув, откуда его вышибли за то, что поспорил на деньги, кого изберут новым папой, ни образцовая военная служба во время Арденнской операции, где он храбро сражался, но после победы был пойман на организации подставного матча в софтбол и отправлен под арест, ни даже любовь к Мэйбл, которая вышла за него с условием, что он будет еженедельно посещать священника, – в надежде, что сила более могущественная, чем соблазн сорвать банк в первой попавшейся игре, заставит его измениться.

Все виды перевоспитания были предложены Джо, но ни один не смог отвести его от покера, пинокля, блек-джека, бинго и прочих игр с фортуной. Как ласточек тянет к Капистрано, так зеленое сукно на столах клуба Большого Джона Казеллы притягивало Джо Палаццини в каждый день полочки.

Ники въезжал в гараж, когда Гортензия показалась на верхней ступеньке лестницы с телеграммой в руке.

– Не глуши мотор, – крикнула она, махая конвертом.

– Я отвезу, – предложил Джо.

– Ники доставит.

– Говорю же, я отвезу, миссис Муни, – настаивал Джо.

– Ты плохо ориентируешься за городом, Джо.

– Я разбираюсь в картах так же хорошо, как любой другой.

– Только не в тех картах. Да ты заблудишься по пути из гаража в мужской сортир, – сказала Гортензия, теряя терпение.

– Мне надо смыться из города, – признался Джо, и левое веко у него задергалось в нервном тике.

– Что – опять? – Ники вытаращился на кузена.

– Мне не повезло, я был у Казеллы, и...

Ники поднял руки:

– Не хочу даже слышать!

– Так кто доставит телеграмму? У меня полно работы, – простонала Гортензия сверху.

– Мы оба. Полезай, Джо.

– Заметано, – сказал тот, взгромождаясь на пассажирское сиденье «четверки».

Ники, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся, чтобы забрать у Гортензии конверт.

– Ты с ума сошел, – прошептала ему Гортензия. – А если за вами увяжется кто?

– Тогда пусть забирают его себе.

– Если бы. Смотри в оба, Ники. – Гортензия вручила ему телеграмму и свернутую карту дорог Пенсильвании. – Ты понял меня? Джо – мешок с неприятностями, ты не обязан вместе с ним идти на дно. Ни в коем случае.

Джо скорчился на переднем пассажирском сиденье, уткнувшись носом в колени, пока Ники ехал по улицам в сторону пригорода. Когда такси сделало круг позади Филадельфийского музея и Ники вырулил на шоссе, Джо выпрямился.

– Что ты на этот раз учудил?

– Да ничего такого страшного.

Джо опустил окно и вдохнул свежего воздуха.

– Ты снова в бегах.

– Это пройдет.

– Хорошенькое утешение.

– Когда я выигрываю – я Цезарь, а когда проигрываю – это напасть. Простое уравнение.
– Проигрываешь ты куда чаще, чем выигрываешь.
– Просто я не хвастаюсь, когда выигрываю.
– Джо, ты должен остановиться. Однажды какой-нибудь отморозок не пожелает дожидаться, пока утром в понедельник откроется банк, чтобы ты мог выплатить свой проигрыш, и тебя отмутузят.

– Не-а. Подождут.

– У тебя же скоро дитя родится. Подумай о своем ребенке. И о Мэйбл.

– С Мэйбл все путем.

– Пока что. Но ты испытываешь ее терпение.

– Уж кто бы говорил о терпении. Ты даже не женился до сих пор.

– Уже скоро.

– Хочешь бесплатный совет?

– Конечно.

Джо тряс пачку, пока не вытряхнул из нее сигарету. Протянул ее Ники. Тот угостился. Джо встряхнул пачку еще раз и губами вытащил еще одну сигарету. Прикурил от автомобильной зажигалки, потом предложил огоньку кузену.

– Не делай этого.

– Чего не делать?

– Не женись на Пичи Де Пино.

– Чего это ты вдруг так заговорил?

– О тебе забочусь.

– Это как?

– Я знаю, каково по ту сторону. Оставайся там, где ты есть. Оставайся в своем подвальчике. У тебя есть кокон. Кокон хорош для одного. Для двоих – не слишком. Становится тесновато.

– Но я хочу жениться, Джо.

– Так и я хотел.

– Ты не любишь Мэйбл?

– Уже поздновато не любить ее.

– Согласен.

– Я люблю ее. И она ждет ребенка. Так и жизнь проходит. И я вместе с ней.

– Да, у тебя есть что сказать по этому поводу. Но жизнь не просто раскладывается перед тобой, как стопка бейсбольных карточек.

– С каких это пор?

– Да всегда.

– Только не в моем случае. Мне с рождения говорили, что я должен делать. Если не родители помыкали, то братец Доминик, а теперь мной командует Мэйбл.

– Или букмекеры.

– Эти тоже. Всегда кто-нибудь за мной таскается. Клюют и клюют мозги с утра до ночи.

– Люди хотят получить свои деньги.

– Неважно. Это мое естественное состояние. Чтобы меня расклевывали, как стая голодных канареек расклеывает колосок. Такой уж я. – Джо запустил пальцы в свою буйную шевелюру, а потом принялся тянуть себя за волосы, словно надеялся, что долларовые купюры заколосятся в дебрях его прически, стоит только дернуть посильнее. – Натуру не изменишь.

Ники посмотрел на него:

– Ты можешь измениться. Ты можешь перестать играть на деньги.

Голова Джо так резко повернулась к Ники, что оба услышали хруст шейных позвонков.

– Я не могу перестать. Это во мне заложено.

– Надо бороться.

– Я и борюсь. Иногда. Пытаюсь. Держу страсть в узде какое-то время, а потом прорывает и все начинается заново – еще хуже. Лучше уж, наверное, поигрывать пару раз в неделю, спустить несколько зеленых и выпустить пар. Это облегчает потребность. А если я завязываю, то ни о чем больше думать не могу. А потом сдаюсь, и тогда словно плотину прорывает – я возвращаюсь за стол, и там меня засасывает, пока я не начинаю тонуть.

– Ужасно.

– Еще бы. Я узник собственной жажды выиграть любой ценой. Я сам себе противен. Но это меня заводит, в том-то и штука, братишка.

Джио швырнул окурок в окно, откинулся на сиденье, надвинул козырек «вестерн-юнионской» фуражки на нос и тут же уснул, будто по щелчку гипнотизера.

Ники восхищался способностью Джио спокойно спать, будучи в долгу как в шелку, причем у самых гнусных типов из клуба Казеллы, и одновременно жалел его. Джио измотался, его нервные ресурсы были на исходе, банковский счет опустел. Они с Мэйбл ругались только за закрытой дверью, но двери в доме 810 по Монтроуз-стрит были такими тонкими, что вся семья знала, когда у Джио случалась плохая неделя, а когда – удачная. Как же это невыносимо, думал Ники, красться домой без гроша, спустив за одним из столов Казеллы недельное жалованье, вместо того чтобы победителем с полными карманами денег мчаться в объятия возлюбленной жены. Ничего удивительного, что Джио не хочет, чтобы Ники женился, ему самому это не принесло счастья. Во всяком случае, не в дни проигрыша.

Ники покрутил ручку радио, как медвежатник крутит рычажок сейфа, но не нашел ничего интересного, так что опустил окошко, чтобы свежий ветерок обдувал его на ходу. Ничто не могло нарушить сон его кузена, даже крутые виражи, которые Ники пришлось преодолевать в предгорьях Поконо.

Таблички со стрелками, указывающими на группу деревушек в складках у подножия гор Поконо, включая Ист-Бангор, Бангор и Розето, были прикреплены к одному столбику на выезде из Страудсберга. Ники свернул на горную дорогу, ведущую в конечный пункт его поездки.

На Розето он наткнулся внезапно, и улица, напоминавшая раздвоенную куриную косточку, привела его прямо на Гарибальди-авеню – главную деревенскую магистраль. Оранжевое солнце пронизывало розовые облака, его золотые и фиолетовые лучи освещали городишко, украшенный для встречи важного гостя. На каждом крыльце висели корзины с цветами, флаги реяли на ветру – итальянский штандарт рядом с американским. Переплетения зеленого, красного и белого шелка пересекали улицу насколько хватало взгляда. Повсюду висели от руки нарисованные плакаты:

CHE BELLO AMBASCIATORE!

VIVA ITALIA!

ROSETO VALFORTORE ETERNA!²⁴

Ники медленно ехал вверх по улице и остановился на верхушке горы возле церкви Пресвятой Богородицы Кармельской, несомненной архитектурной жемчужины города – с колокольней, затейливыми окнами-розетками и стенами из величественного серого гранита, разделенного инкрустациями из завитков рубинового, изумрудного и темно-синего витражного стекла. Церковная площадь тоже была празднично украшена, ступени обрамлялись фигурно подстриженными кустами и корзинами цветов, перила оплетали разноцветные ленты.

Когда Ники парковался у входа, шины ткнулись в бордюр, и толчок разбудил Джио.

– Уже приехали? – встрепенулся Джио.

---

²⁴ Очень приятно, господин посол! Да здравствует Италия! Розето-Вальфорторе навсегда! (ит.)

– Не совсем.

Джио выглянул в окно, прищурился на громадину церкви, на величественный гранитный фасад.

– Я умер?

– Нет, это просто церковь. Я войду внутрь и помолюсь.

– Зачем?

– Ты серьезно, Джио? Одному из нас отчаянно необходимо небесное вмешательство.

– Жаль! Не знал я, что у тебя тяжелые времена.

Джио снова прикрыл фуражкой глаза и уснул.

Ники стоял в притворе храма. В воздухе витал запах воска и ладана, напомнивший Ники его церковь и ту благодать, которую он чувствовал там. Внутри храм Пресвятой Богородицы Кармельской являл собой типичный образец барочной архитектуры из золотистого мрамора с акцентами красного бархата. Бледные колонны цвета слоновой кости выстроились вдоль центрального прохода. Скамьи тоже были увешаны лентами, алтарь украшен алыми розами, белыми гвоздиками и зелеными ветвями папоротника. Статуи святых у стен боковых рядов парили над скамьями, как судьбы над бейсбольным полем.

Ники преклонил колено у последнего ряда, осенил себя крестным знаменем и сел на скамью, прямо на стопку памятных буклетов к городскому юбилею. Он открыл один из них и принялся читать историю возникновения Розето. И увлекся, словно история города была волшебной сказкой. Сколько всего случилось в этом городишке! Кого только не было на фото – и работницы швейной фабрики, и приходские священники с его преосвященством из близлежащего Нескуэхонинга, и сестры из монастыря Святого Иосифа, и рабочие местных сланцевых карьеров. Ники убрал буклет в нагрудный карман форменной куртки, прежде чем преклонить колено на прощанье. На обратном пути он прихватил у дверей проспект с программой юбилейных мероприятий, подумывая о том, как здорово будет закатиться на ярмарку в Розето вместе с Пичи. Она обожает такие свидания.

Когда Ники вернулся в машину, хлопнувшая дверь не разбудила кузена, и Ники пришлось его растолкать.

– Пора вручать телеграмму.

– Ага. – Джио мгновенно проснулся.

– Ты по ночам никогда толком не отдыхаешь, да?

– Сплю урывками в лучшем случае.

– Потому что возвращаешься поздно.

– У меня столько всего в голове.

– Еще бы, такое напряжение – обдумывать, где бы еще спрятаться.

– Как ты прав, кузен.

Ники повернул на Трумэн-стрит, опрятный квартал двухэтажных домиков, обшитых деревом и выкрашенных в пастельные тона, вперемежку с кирпичными постройками на две семьи, украшенными разноцветными навесами в полоску. Остановившись возле многоквартирного дома 125, он протянул Джио телеграмму. Идя нога за ногу по дорожке к дому, Джио поправил форменную фуражку телеграфной службы «Вестерн Юнион», а потом постучал в дверь. Красно-бежевый полосатый навес на фоне кирпичной стены выглядел пронзительно-ярким и чистым. Ники сделал себе в уме заметку купить тенты для дома, который они с Пичи приобретут на Уортон-стрит, очень уж они украшают фасад.

– Порядок, – сказал Джио, садясь в машину.

Взбираясь по Гарибальди-авеню к дороге из города, Ники заметил поле, огороженное для ярмарки. Там стояли пустые палатки и прилавки с рекламой распродажи *torrone*²⁵, сэндвичей с

---

²⁵ Нуга (*um.*).

колбасками и перцем и *zeppoli*²⁶ в кулечках. Треугольные вымпелы цветов итальянского флага хлопали на ветру. Вдалеке нехотя поворачивалось безлюдное чертово колесо, солнце проглядывало сквозь его ярко-синие спицы.

– Славный городок, – сказал Джо. – Празднуют что-то.

Ники притормозил у знака остановки, не желая упустить возможность поучить кузена еще чему-то, лежащему вне его компетентности в картежном мире.

– У них юбилей, Джо!

– А как ты догадался?

Ники ткнул в большой гостеприимный плакат «Добро пожаловать на юбилей Розето».

– Гляди-ка, а парень-то – вылитый ты.

– Какой парень?

– Вон с того плаката. У него твоя *faccia*²⁷. Скажи?

Ники присмотрелся к растянутому через улицу плакату, приветствующему посла Карло Гуардинфанте. Нарисованный посол, обрамленный лавровым венком, словно картинка в медальоне, производил впечатление. Джо был прав, лицо у посла весьма узнаваемо: и овал, и лоб, и скулы, и форма губ – вылитый Кастоне.

– И волосы как у тебя. Америкашка.

– Ну точно, правда же? – У Ники не было ни братьев, ни сестер, и он пришел в восторг от того, что кто-то еще на него похож.

– У каждого имеется двойник. И мы нашли твоего. Ведь нашли же?

– Кажется, нашли. И смотри, какой на моем мундир – потрясающий. Здорово, что кто-то так на меня похож, просто копия. Да еще и такой важный человек.

– Жаль, у меня нет двойника, – сказал Джо с грустью.

– Чтобы отдувался за тебя, пока ты в бегах?

– Ну, это одна из причин. А еще мне бы хотелось иметь двойника, чтобы дела улаживать, обсуждать и все такое. Побеседуешь – глядишь, и поймешь, действительно ли то, что ты думаешь, именно то, что ты должен думать.

– У тебя уже есть один ангел-хранитель.

– Ты так считаешь?

– А кто же тебя все время вытаскивает из передряг, как ты думаешь?

– Матушка-удача, – пожал плечами Джо.

Ники медленно поехал по Гарибальди-авеню, разглядывая по пути причудливые домики. В это позднее утро улица была пуста: мужчины трудились в каменоломнях, а женщины – на блузочных фабриках.

– Чудесный городишко, – похвалил Джо. – Я бы тут жить не смог.

– Мало развлечений?

– Да не то слово.

– Уверен, у них тут есть покер. В карты везде играют, знаешь ли.

– Ага, но вот делают ли здесь собственный сыр? Я бы не смог жить там, где нет своей сыроварни.

Восьмиклассницы школы Святой Марии Магдалины де Пацци выстроились в колонну по десять во главе Майской процессии по Брод-стрит. На каждой девочке короткое, пышное, как у балерины, платье из розового шитья, белые перчатки, молитвенник в руках, на головах венки из розовых шиповниковых розочек с вплетенными в них атласными лентами. Ленты струились по плечам и развевались по ветру на ходу.

---

²⁶ Пончики (*ит.*).

²⁷ Лицо (*ит.*).

Отец Перло шел следом за школьницами, точнее, сновал от одного тротуара к другому, без устали макая кропило в чашу со святой водой и благословляя толпу по пути шествия.

В этом году королевой Майского праздника монахини выбрали субтильную тринадцатилетку Кэрол Скьявоне. Приобняв одной рукой статую Девы Марии, она горделиво стояла под аркой из красных бумажных роз на платформе грузовика без бортиков, который ее одноклассники украсили по случаю праздника. Под ноги был постлан обюссонский ковер насыщенных рубиново-красных, коралловых и зеленых оттенков, взятый взаймы из монастырского вестибюля.

На Кэрол Скьявоне было строгое белое платье – облегающий лиф с длинными рукавами и юбочка из нескольких слоев белого тюля, похожая на солидную порцию взбитых сливок. Поверх ее темно-каштановых волнистых волос прикололи венчик из белых роз, оплетенных тонкой золотой проволокой, – точь-в-точь как тот, что украшал статую Девы Марии. Божья Матерь сияла свежеекрасшенным голубым гипсовым одеянием на фоне рыжеватого неба, испещренного пестрыми пучками облаков.

Примернейшие ученики восьмого класса в отутюженных черных брючках, белых рубашках и голубых галстуках гуськом шествовали по обе стороны медленно движущейся платформы, а следом колонной шли все остальные. Мальчики несли четки – кто зажав в кулаке, кто пропустив между пальцами.

Винни Матера – классный сорвиголова с явной склонностью к шутовству и плутовству – так сильно размахивал своими четками, что распятие чуть не чиркало по земле, пока сестра Робби Пентекост не подбежала к нему сзади и не щелкнула пальцами у него над ухом. Винни быстренько подхватил четки, крепко зажал в ладони и присоединился к одноклассникам, читающим «Скорбные тайны».

Брод-стрит была запружена зеваками, вышедшими поглазеть на процессию в обеденный перерыв. Для истинно верующих день был праздничный, выходной. Священник благословит их, они попросят Матерь Божию порадеть об их нуждах там, на небесах, или помолятся за своих матерей в благодарность за все их жертвы, приносимые ради семейств. Для всех прочих этот день был официальным началом лета, а лето означало ночные игрища в Шайб-парке, где веселился весь Филли, и дни напролет в парке аттракционов Уиллоу-Гроув ради острых ощущений вроде «Пленной летающей машины» сэра Хайрема Максима и целую неделю отдыха во время ежегодных каникул по случаю празднования Четвертого июля.

Святая вода сверкала в воздухе, как россыпь бриллиантов, при каждом благословляющем взмахе кропила. Старшее поколение принимало благословение, встав на колени, а молодежь просто склоняла головы. Калла Борелли натянула шарф на голову, чтобы прикрыть волосы, и святая вода оросила ее лицо, словно слепой дождик. Она осенила себя крестом, шепча в унисон с гулом толпы: *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, Amen*²⁸.

Дом Палаццини встречал процессию на углу Брод и Монтроуз. Когда платформа свернула на перекрестке, Дом опустился на одно колено, и боль пронзила его ногу. Он поморщился, но не проронил ни звука, зато перекрестился, пока вставал. Дом чувствовал себя стариком, все ныло и болело, хотя он вот только недавно ходил к доктору Шренкеру, и тот сказал, что Дом не в самой ужасной форме, но велел ему меньше курить, меньше есть и больше ходить пешком. Однако, дожив до шестидесяти, Дом не собирался начинать слушаться докторов. Посему он вытащил из кармана короткую толстую сигару «Типарилло», снял обертку и прикурил от шикарной серебряной зажигалки с монограммой, которую дети преподнесли ему на прошлый день рождения.

А в следующем квартале по ходу процессии Майк Палаццини обнажил голову и преклонил колени на противоположной стороне Брод-стрит и ощутил холодные капли святой воды на

---

²⁸ Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь (лат.).

лице, когда священник окропил толпу. Майк перекрестился, легко поднялся с колен, отряхнул элегантные брюки из тонкой шерсти и снова надел шляпу от Борсалино. Слегка сдвинув шляпу набок, он пошел по улице навстречу редющей толпе, приветственно кивая знакомым и сверкая белозубой улыбкой, которая так шла к его густым волосам. Ему исполнилось пятьдесят девять, но он не выглядел на свои лета и не чувствовал их. Майк шел прогулочным шагом, раздумывая о том, достаточно ли пармезана и *скаморцы* заказала Нэнси в сырной лавке Поли и Глории Мартинес, когда его брат Дом врезался в него и едва не сбил с ног. Сначала Майк не узнал брата. Первым инстинктивным побуждением Майка было извиниться и протянуть руку, но красное лицо Дома напоминало карикатурное изображение быка, галопом скачущего на матадора. Майку даже показалось, что он слышит фырканье. Не хватало лишь кольца в носу.

– Тпру, – тихо сказал Майк. – Прошу прощения.

– Мхм, – промычал Дом, обходя брата.

– Что, так ничего и не скажешь? Ни привет, ни здравствуйте? – саркастически произнес Майк вслед уходящему Дому.

Майк заметил, что Дом прихрамывает. Слишком много ромовых баб, подумал Майк. Братец злоупотребляет сладостями, вот и отяжелел.

Лет десять, а может, и все двенадцать прошло с тех пор, как Майк видел Дома в последний раз. Майк уже и не помнил точно. Казалось, Дом одет в тот же самый костюм, что был на нем, когда братья окончательно рассорились. И туфли вроде те же. И дело даже не в том, что одежда на ДOME старая, – Дом передвигался по-стариковски. Тут, разумеется, и выпирающее брюшко сыграло свою роль, но Дом стал ниже ростом из-за больных коленей – узловатых и искривленных так, что ноги у него уподобились двум полумесяцам, которым никогда не сойтись и не стать полной луной. Но самое заметное – лицо Дома, изрытое злыми бороздами и глубокими морщинами, оставленными гримасой хронического негодования. Дом обожал гневаться, словно злоба помогала ему держаться, и время ничему его не научило. По прошествии всех этих лет Дом так и не усвоил, как надо жить, не уяснил, что тратить деньги надо с удовольствием, что это гораздо приятнее, чем добывать их. Майк недоуменно покачал головой и вошел в сырную лавку.

Дом нашарил носовой платок в кармане и вытер лоб. Дому захотелось еще раз взглянуть на своего отвергнутого родственника, он обернулся, чтобы посмотреть, куда тот ушел. «Сырная лавка Мартинес». Ну да, конечно, Майк именно здесь покупает сыр. Только лучшие, вызревшие в столетних бочках сыры, доставленные из самой Италии. А Майкова одежда? Только самое дорогое – шляпа, костюм, ботинки – все для щеголя-братишки. И откуда у него загар в начале мая? Не сидит же он у себя перед домом на Фицуотер, обставившись экранами из фольги в полдень? Наверное, на Бермудах побывал. Конечно, Майк выглядел франтом, ведь его идея тяжелого труда состояла в том, чтобы точить ляды с клиентами и побольше отдыхать. Дом припомнил спор, из-за которого они разорвали отношения, и свежая струя негодования потекла по его жилам.

Майк был прав лишь в одном: Дом обожал злиться. И Дом был прав лишь в одном: Майк выглядел прекрасно.

А за перекрестком, на стоянке возле школы, четверо членов братства Святой Марии Магдалины де Пацци – клуба и служебной организации для женщин-прихожанок – осторожно сняли статую Пресвятой Девы с платформы и передали ее школьному сторожу, который на руках, словно невесту, перенес ее через порог.

Эльза стояла у подножия ступенек с коробкой в руках и собирала венки из розовых бутонов, сплетенные ею для девочек в розовых платьицах, возвращающихся в школу на праздничный обед. Поверх будничного платья Эльза надела простое бежевое шерстяное пальто. Бретонская шляпка из синей соломки с бежевой атласной лентой вокруг тульи очень шла к ее рыжевато-каштановым волосам.

– Где торт? – гаркнул Дом, идя по дорожке.

– Внутри, папа. В кафетерии.

Дом вцепился в металлические перила и взобрался по ступеням.

– Колени беспокоят, да? – спросила Эльза.

– Конечно, раз солнце светит, – пробурчал Дом в ответ.

– Найдите Мэйбл, она заняла вам место, – крикнула Эльза свекру, когда тот уже вошел внутрь.

– Спасибо вам за тяжкий труд, миссис Палаццини. – Сестра Тереза, молодая монахиня в накрахмаленном до хруста черно-белом одеянии, положила венец с головы статуи Девы Марии в коробку. – Я позволила Кэрол оставить себе веночек. Надеюсь, вы не против?

– Конечно, не против.

– Вы сделали этот день особенным. Я слышала столько прекрасных отзывов, пока мы шли. Благословенная Мать будет вечно хранить вас.

Сестра Тереза сжала руку Эльзы и вошла в школу. Эльза заглянула в коробку с веночками, которые она так старательно сплела. Немало часов ушло на то, чтобы согнуть свежие веточки и вплести ленты в проволоку. Собрав веночки, она обрызгала их холодной подслащенной водой, завернула в муслиновое полотно и сложила в холодильник. Сколько боли доставил ей каждый венчик, прежде чем стать произведением искусства. И то, что было так прекрасно, теперь превратилось в мешанину, витки проволоки сцепились между собой в коробке, как обручи в руках у фокусника, ленты завязались в узелки. Глаза Эльзы наполнились слезами.

– Какая жалость. Один парад, один-единственный денек – и все, – сказала Мэйбл, стоя на верхней ступеньке крыльца. – Просто до слез. Вот возьму и расплачусь. Как же так, столько твоего труда. Все эти колючки. Все эти венцы.

Беременная жена Джио была в просторном черном пальто с белым воротником. Ее синие глаза казались лавандовыми, споря с цветом неба.

– Эй, Эльза, папаша внутри, жует торт и пьет с настоятелем кофе. И у меня есть экстренное сообщение. Небеса над Саут-Филли не рухнули нам на головы!

Эльза улыбнулась. Мэйбл всегда удавалось ее взбодрить. Мэйбл спустилась к Эльзе и взяла у нее из рук коробку с венчиками.

– Зайди-ка внутрь и послушай, как тебя там хвалят. Все трубят, что твои веночки стали венцом Майского праздника. Все мамы так прямо и сказали.

– Правда?

– Все до единой! Даже эти привереды неаполитанки. Только никому не говори, что я их так назвала.

– Не скажу.

– Нам с тобой надо держаться друг дружки. Мы же чужачки. Ирландка да полька в сплошном соусе *маринара*. Ну ты знаешь, о чем я, – подмигнула Мэйбл Эльзе.

– Конечно, знаю.

– Ладно, пошли внутрь. Я хочу, чтобы моя невестка получила свои заслуженные похвалы. Пусть поговорят. И монашки в том числе. – Мэйбл повернулась, чтобы подняться по лестнице. Эльза стояла неподвижно, глядя вдаль. – Что с тобой? – спросила Мэйбл.

– Все так быстро кончается. И это грустно.

– Вся грусть улетучится, как только в парадах начнут участвовать наши дети. Твой Доминик будет шагать в год своей конфирмации, и кто знает – вдруг у меня родится девочка, и однажды она станет Майской королевой, и ты сплетишь ей венец? Вот будет здорово, правда?

– Это будет прекрасно.

Эльза вошла в школу вслед за Мэйбл. Она думала не о параде, не о розах и не о венцах. В этот святой день поминовения матерей Эльза думала о своей маме, о том, как сильно по ней

скушает, и о том, что никогда этой боли не суждено утихнуть, потому что маму она никогда больше не увидит.

2

Ночной воздух чуть покалывал лицо, когда Ники крутил педали велосипеда по Белла-Виста. Он плотно поужинал макаронами с фасолью, съел горбушку хлеба, запил это все стаканом домашнего вина и поехал на свою вторую работу. Привстав на педалях, Ники свернул на Брод-стрит, и ветер дул ему в лицо, пока он ехал мимо домов, в которых жили друзья его детства, те, с кем водился он, не считая компании своих кузенов. Проезжая мимо, он напевал фамилии, как слова из арии:

*Де Мео, Ла Преа,
Феста, Теста, Фьорделлизи, Джованнини,
Окемо, Кудемо, Коммунале,
Ларантино, Константино,
Имбези, Кончесси, Бельджорно, Морроне! Спатафора!
Куттоне, Карузо, Микуччи, Меуччи,
Джераче, Чьярланте, Стампоне, Кантоне.
Мессина, Кортина, Матера, Феррара,
Кучинелли, Маринелли, Белланка, Ронка,
Палермо, Дзеппа! Феррагамо!
Руджсиеро, Флорио, Д'Иорио... Сабатине, Де Реа, Мартино!*

Ники съехал с тротуара на грязноватую аллею позади Театра Борелли, пропев последнюю строку:

Навечно Борелли!

Он перенес вес на руль, оторвал ноги от педалей и прыгнул на тротуар, будто велосипед был конем, а он – жокеем. Припарковав велосипед на стоянке у служебного входа, Ники направился, насвистывая, в обход здания к главному театральному подъезду.

Ники не просто входил в фойе Театра Борелли, он входил в свой храм. Вестибюль сиял великолепием *Belle Époque*²⁹ – однако то была красота, познавшая тяжкие времена, побывавшая по ту сторону и все-таки выжившая. Сусальное золото на сводчатом потолке облезло от времени, но по-прежнему сияло. Впечатляющие полукруглые лестничные пролеты вели на бельэтаж. При ближайшем рассмотрении было видно, что плюшевая обивка на поручнях вытерлась местами, а ковровая дорожка на ступенях истончилась, но издали богатый красный плюш и шерсть смотрелись царственно.

Фреска на стене, изображавшая пейзаж пенсильванских лугов и пасущихся на них лошадей, служила декорацией для лестничной площадки, где собиралась изысканная публика – владельцы билетов в партер. Глянец на картине поблек от времени, обретя мягкую патину нежного мятного оттенка.

Наверху мерцала великолепная люстра муранского стекла с выдутыми вручную рожками из молочно-белого хрусталя, рассыпавшая золотые блики на отполированные черные и белые мраморные плитки пола. При свете дня все недостатки и шероховатости вестибюля были отчет-

---

²⁹ Прекрасная эпоха (*фр.*).

ливо видны, но вечером, когда свет люстры приглушался, мягкое сияние придавало всей обстановке, и даже зрителям, восхитительный вид.

Родители Сэма Борелли основали этот театр семьдесят пять лет тому назад. Труппа ставила итальянские оперы, популярные среди выходцев из Неаполя, истосковавшихся по музыке и текстам, напомиравшим о доме. В Театре Борелли все постановки шли на родном языке, создавая иллюзию, что бирюзовое море у берегов Амальфи и белые пляжи Сицилии находятся так же близко от зрителей, как побережье Джерси. Но поскольку эти итальянцы все больше становились американцами, их вкусы менялись, а память тускнела. Вскоре они стали предпочитать бродвейские шоу, пьесы и кинофильмы, в которых рассказывалось о продавщицах, мужчинах в униформе и золотой молодежи – честолюбивой и богатой. Они перестали искать развлечений, напомиравших, откуда они вышли, а покупали билеты на спектакли, инсценирующие то, куда они стремились, – навверх, в высшее американское общество.

Семья Борелли кое-что понимала в шоу-бизнесе, посему не опустила руки, а приспособилась, создала драматическую труппу. Борелли расстались с оперой, оставив ее на попечение Музыкальной академии, расположенной чуть дальше по Брод-стрит, а сами взялись за классические пьесы, зная, что все хоть сколько-нибудь британское будет иметь успех у их честолюбивой трудящейся публики.

Труппа состояла из полупрофессионалов. Актеры и обслуга формально получали жалованье, но частенько местные работали бесплатно в обмен на билетные привилегии. Ники Кастоне нашел в театре сообщество, которое приняло его с распростертыми объятиями. Не было в театре такого дела, за которое бы он не взялся. Будучи суфлером, он подавал реплики актерам, помогал им надевать костюмы в качестве помощника реквизитора, менял декорации во время спектаклей как рабочий сцены – словом, выполнял все, о чем бы его ни попросили. Полировал медные балясины на лестнице, мыл окна в вестибюле, подметал дорожку. Временами помогал кассирше, когда у нее, по обыкновению, заканчивалась мелочь на сдачу в день спектакля. Опоздавшие знали, что поскольку в театре всегда полно свободных мест, то их пустят независимо от того, заплатили они или нет. Первое правило шоу-бизнеса гласит, что каждый вовлеченный должен быть готов работать бесплатно, но в профессиональной труппе актеру следует платить, а это значит, что второе правило шоу-бизнеса – представление должно делать сборы – стало весьма существенным для выживания. Но вторым правилом в Театре Борелли часто пренебрегали, поэтому театр не вылезал из долгов.

– Ну, как сегодня зал? – спросил Ники, остановившись у окошка кассы.

Роза Де Неро, пухленькая луноликая кассирша, оторвалась от бульварного романа, который с увлечением читала.

– Могло быть и лучше. Партер продан где-то на три четверти. Бельэтаж пустой. Осталось пробить дыру в потолке и брать арендную плату с голубей. – Она заложила страницу в книге пальцем и посмотрела на Ники: – Вот поставили бы мюзикл, глядишь – и билеты продали.

– Мы – шекспировская труппа.

– В том-то и беда ваша. Шекспир для снобов.

– А что вы читаете?

Роза подняла книгу, показав название: «Порочный круиз. Ей надоело быть безгрешной». Грудастая феминка на обложке уж точно безгрешной не выглядела.

– Шекспир очень сладострастный писатель, если вы именно этого ищете.

– Я не понимаю, о чем они там все толкуют на сцене, – сказала Роза, снова устраиваясь на своей табуретке на колесиках.

– Он писал для людей. Таких, как мы. Вы когда-нибудь слышали о том, что раньше зрители в партере стояли прямо на земле?

– Мне это неинтересно.

– Но вы же работаете в театре.

– Неважно.

– Ну что-то же подвигло вас обратиться к этому старейшему виду искусств?

– Двадцать зеленых в неделю подвигли. Вот я и пришла в Театр Борелли. Коплю на стиральную машинку. Уже не вмогую отжимать вручную.

– Но ведь не только же деньги? Должно быть что-то еще?

Ники пытался флиртовать, но его чары не подействовали на Розу, он для нее был скорее назойливой мухой.

– Так как же, Роза? Бросьте прикидываться.

– Я бы подумала, если бы вы взяли за что-нибудь, что мне захотелось бы посмотреть. «Тепло для мая»³⁰, там, или еще что хорошее. Чтобы страсти так и кипели.

– В «Двенадцатой ночи» страсти просто бушуют.

– Ага. Зрители это и говорят, когда уходят в антракте, – хмыкнула Роза.

– Не стоит злорадствовать на этот счет.

– Ни у кого здесь не хватает духу сказать все как есть.

– Отложите, пожалуйста, билет для Терезы Де Пино.

– Заплатите?

– Запишите на мой счет.

– Кругом одни халявщики.

Ники пропустил ее шпильку мимо ушей и вошел в театр. Ароматы мастики, свежей краски и несвежих духов витали в воздухе, тяжелые, как зеленые бархатные портьеры, полулуньями драпирующие высокую арку просцениума. Пока Ники шел между рядами, софиты по очереди отбрасывали круги света на сцену. Он уже подходил к сцене, по лестнице слева, когда увидел Тони Копполеллу – ведущего актера труппы, прислонившегося к стенке в глубине сцены и повторяющего свою роль.

– Премьеру уже сыграли, а ты еще учишь текст?

– Актеру никогда не одолеть Шекспира. «Если глаза оторвешь от страницы, то пьесы на сцене уже не случится». Так меня Сэм Борелли научил.

Тони пыхнул сигаретой и засунул сценарий под мышку. Родись Тони где угодно, кроме Саут-Филли, он стал бы звездой. Высокий и стройный, черные глаза, волевой подбородок, отличная дикция и гибкое тело – Тони был просто создан для сцены. Но не судьба: отец его умер, когда он был еще мальчиком, и ему пришлось помогать матери растить шестерых младших сестер и братьев. Теперь Тони стукнуло уже сорок, он обзавелся собственной семьей и руководил отделом отгрузки на фабрике газированной воды компании «А-Трит». Ему уже поздно было начинать театральную жизнь помимо Театра Борелли.

Тони сел рядом с Ники за стол с реквизитом.

– Что за костюмчик? Кто-то умер?

– У меня потом свидание.

– Не видать нам твоей девушки как своих ушей, да?

– Сегодня и увидите.

– Да ну?

– Она придет на спектакль.

– Впервые. Она существует на самом деле! – Тони подмигнул Ники. – И сколько вы уже помолвлены?

– Я подарил ей колечко семь лет назад.

– Семь лет. Хорошо вызрели, значит. – Тони медленно затянулся и так же медленно выдохнул. – Я не был таким везунчиком. Стоило мне сделать предложение Шэрон и подарить

---

³⁰ «Слишком тепло для мая» – бродвейский мюзикл (1939) Джерома Керна на стихи Оскара Хаммерстайна II.

ей бриллиант, она тут же назначила дату свадьбы через полгода. Заявила, что долгие помолвки не для нее. И как только я на ней женился, то сразу уразумел почему.

– Шэрон – прекрасная девушка.

– Ага, – согласился Тони без всякого энтузиазма. – Тебе сколько лет?

– Двадцать восемь.

Тони лукаво усмехнулся.

– Неудивительно, что ты прошел всю войну. Очень уж ловко уворачиваешься от пуль.

Ники вышел за сцену и проверил суфлерскую кафедру в левой кулисе. Потом открыл сценарий и включил маленькую настольную лампу. И тут же почувствовал, как по спине колко пробежался сверху вниз десяток длинных ногтей.

– Ты такой зажатый, – прошептал женский голос. Ногти снова взобрались наверх и щипали загривок Ники, пока каждый волос у него на голове не встал дыбом, словно шерсть у перепуганного кота.

– Сегодня на спектакль придет моя невеста.

Ники потянулся назад, чтобы убрать руки Джози Чилетти со своей шеи, но те и сами убрались, сбежав к пояснице.

– Я тебе не верю, – прошептала Джози.

– Она будет сидеть в партере.

Джози обняла Ники за талию и со стуком уткнулась лбом ему между лопаток.

– Хочешь, я вас познакомлю? – спросил Ники.

Джози ослабила хватку, обошла кафедру и встала лицом к Ники, расстроенная тем, что он разрушил магию их притворства, испортил игру. Ее тонкое красное атласное платье было туго перетянута в талии, а елизаветинское бюстье так высоко вздымало груди, что шея пошла складками. С последнего ряда галерки Джози казалась красоткой, но вблизи в свои пятьдесят три вызывала в памяти образы Пикассо. У нее были близко посаженные серо-голубые глаза, иссиня-черные волосы и горячечные губы. Рабочая лампочка над кафедрой беспощадно сгущала тени там, где надо бы высветлить.

– Я больше не твоя девушка?

– Джози, ты же замужем.

– А, этот.

– Этот, этот. Берт Чилетти, да? Твой супруг.

– Но что, если бы...

Ники и Джози играли в эту игру с первого дня его работы в театре.

– Если бы ты не была замуж-ж-жем... – прожужжал Ники.

– Продолжай, – промурлыкала Джози.

– ...а я не был бы обручен...

– Фу! – Джози не смогла сдержать отвращения, за возгласом последовала драматическая пауза. Недаром она все-таки была опытной и почти профессиональной актрисой регионального театра.

Ники продолжил:

– И если бы ты по годам не годилась мне в ма...

– Долой эту строчку!

– В молодые няньки?

– Так-то лучше.

– Тогда, конечно, ты была бы мне прекрасной парой, и кто знает, куда бы это нас завело.

– О Николас, как же ты прав! – Джози глубоко вдохнула, принудив содержимое своей грудной клетки подняться так высоко, что ее груди почти стукнулись о подбородок, но выдохнула прежде, чем это случилось. – Время – это все. В театре. В жизни. В любви. Ты и я? Мы живем по часам со сломанными стрелками.

Калла в белом вечернем платье и розовых балетках вытащила шкив, чтобы освободить занавес, и тот упал с громким стуком.

– Роза открывает театр! – сообщила она труппе.

– Пойду-ка я лучше одеваться, – промурлыкала Джози, словно обещая, что ее коготки не в последний раз щипали ему затылок. Ее атласные туфли без задников шлепали всю дорогу до гримерки, словно копыта у пони, которому необходимы новые подковы. Ники покачал головой и сложил по порядку страницы сценария. Все-таки ведущая актриса нуждается в громадной моральной поддержке.

– Выглядишь прекрасно, – сказал Ники Калле.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – сказал Ники, а потом пробормотал: – Ледышка.

– Кто? Я?

– Ага. Прямо пронзила меня холодом. Морозом обдала. Как в первый день зимы. Наверное, за то, что из-за меня упала.

Калле пришлось задуматься.

– А, это? Нет, ты не виноват, я отвлеклась.

– И я.

– Почему?

– Неважно. А почему в платье? Что-то намечается? То юбка, теперь платье. Наверное, пожарная команда попросила назад свои комбинезоны?

– Ты суший паяц. Если тебе так не терпится узнать, я иду на свидание.

– Кому-то повезло.

– Ты так думаешь? – Глаза Каллы сощурились.

– Наконец-то убедится, что у тебя есть ноги. Все парни Саут-Филли ликуют.

Калла закрыла глаза и разгладила складку между бровей.

– Ники, мне нужно с тобой поговорить.

– Кто угодно, кроме меня. У меня есть невеста, и Джози стоит в очереди. Пока я до тебя доберусь, тебе исполнится шестьдесят два.

Калла сплела руки и уставилась в пол.

– Я не могу себе позволить держать тебя в команде. Боюсь, это твой последний вечер.

Ники с трудом сглотнул.

– Ты меня увольняешь?

– Хотелось бы мне, чтобы финансовая ситуация была иной и все было по-другому.

– Я зарабатываю всего семьдесят пять центов за вечер.

– И даже их я не могу себе позволить.

– Дело не в качестве моей работы?

– Ты знаешь пьесу лучше актеров. Ты мне нравишься. Ты делаешь все, что я ни попрошу.

Но наши сборы на нуле. От чего-то придется отказаться.

– Ты имеешь в виду «от кого-то».

– Прости. – Калла положила руку на кафедру, словно хотела как-то разрядить обстановку. – Если тебя это как-то утешит, я ненавижу эту часть своей работы. Ненавижу. – Она направилась к лестнице.

– Калла?

– Что?

– А знаешь, я тут подумал – не нравится мне твоя прическа.

– Моему отцу тоже.

Калла пошла вниз по лестнице.

Ники был потрясен, ошеломлен. Его ни разу еще не увольняли, и уж точно его никогда не увольняла девушка в белом платье из хлопкового пике. Благо его единственными нанимате-

лями были родной дядя и Армия США, и если семья никогда не лишила бы его работы, а свою почетную отставку он заслужил верой и правдой, то холодная и внезапная ликвидация Каллой его должности в театре очень задела Ники. Но, как ни больно было Ники, у него оставалась еще работа, и он должен ее выполнить, как и все остальные люди театра, так что, выкинув плохие новости из головы, он целиком отдался представлению. Он разберется в своих чувствах, как только упадет занавес в финале, а теперь насладится всем оставшимся ему временем в театре, остановит мгновение. Ники не однажды слышал, как Сэм похожими словами наставлял актеров на репетиции, и поскольку его суфлерская работа проходила исключительно за кулисами, это только поможет не отвлекаться от насущной задачи.

Среди прочих восхитительных моментов работы в театре Ники очень любил стоять в кулисе перед началом спектакля и наблюдать, как публика занимает места. Со временем он научился делать некоторые умозаключения насчет зрителей, основываясь на их поведении до того, как поднимется занавес. Порой возникали препирательства и даже потасовки между капельдинером и каким-нибудь зрителем, присвоившим чужое место. Женщины надевали в театр свои лучшие наряды, которые зачастую включали в себя огромные шляпы с широчайшими полями, украшенными гигантскими шелковыми цветами и атласными бантами невероятных размеров. Большая шляпа на зрительнице партера могла испортить целый акт шекспировской пьесы тому, кого угораздило оказаться позади ее обладательницы. Поди попробуй попросить женщину снять драгоценную парижскую шляпу – предмет ее гордости, произведение искусства. Если женщина не снимет шляпу, а капельдинеру не удастся уговорить ее пересесть, она обидится и уйдет, а если останется – зритель позади нее лишится возможности видеть всю сцену и потребует возмещения расходов.

Бывало, группа приятелей, купивших места рядом, завалится гурьбой с билетными корешками в руках и начнет увлеченно играть в игру, напоминающую «музыкальные стулья», пока каждый не отыщет себе место с обзором по вкусу. Длинноногие, клаустрофобы, ипохондрики вечно сражаются за кресла у прохода. Монахиням все равно, где сидеть. Священники норовят усесться в самом центре партера. Политикам подавай первые ряды, а букмекеры, игроки и уличные гуляки предпочитают стоячие места позади. Как режиссер расставляет актеров на сцене, так капельдинер размещает публику в зале.

Одиночки в зале вызывали у Ники особенно пристальный интерес. Обычно это мужчина без пары, поглощенный происходящим на сцене, хохочущий и плачущий от души, чтобы в следующий раз прийти опять и все пережить заново. Больше всего Ники рассчитывал именно на них – на зрителей, ощущавших, что все представление обращено непосредственно к ним.

От вечера к вечеру зрительный зал был все тот же, но на сцене ни одно слово не звучало одинаково. Театр был изменчивым, коварным и неугомонным морем в огромном мире искусства. В зависимости от настроения, контекста, эмоций и подачи одна и та же пьеса в одной и той же постановке могла меняться от вечера к вечеру, трансформироваться, обретать новые цвета, оттенки, смыслы; она могла угаснуть или взорваться, ослепить или выдохнуться, удивить и вызвать восторг, утешить и наскучить – и сценарий тот же, и актеры те же, но никогда не знаешь, чем дело обернется. Вот эта-то изменчивость и подкупила Ники Кастоне. Он обожал замирать у самого края пропасти, заглядывая в нее из кулис. И хотя занавес, подиум, сценарий в папке и маленький яркий квадрат света отделяли его от сценического мандража, он был счастлив находиться достаточно близко к огню, чтобы ощущать его жар.

Реальная жизнь Ники была предсказуема. Когда умерла мать, его жизнь вошла в колею, по которой двигался мир семейства Палаццини. Армейская подготовка не слишком отличалась от муштры на Монтроуз-стрит, и после возвращения жизнь Ники стала размеренной, упорядоченной, рутинной: пришел на работу, отработал, сдал выручку, ушел с работы, а дома – макароны на ужин по вторникам, рыба по пятницам и воскресные семейные обеды после десятичасовой мессы. Зато в Театре Борелли он упивался негаданностью, сменой настроений, про-

явлением чувств. Ники взбирался на адреналиновые высоты, падал в пропасть разочарования, испытывал мгновения триумфа, и все это не в одиночку, а в компании актеров и работников театра, все это он делил со своей театральной семьей. Они полагались друг на друга, как полагался он на своих однополчан во время войны. С точки зрения Ники, труд в театре был тяжелее, чем военная служба. Солдатом он тревожился о том, что его могут убить. В театре смерть наступала, если ты был туп и скучен. Работа в Театре Борелли заставила Ники задуматься о природе возникновения чувств и наблюдать за тем, как режиссер учит актера бросать вызов зрителям, вовлекая их в эти открытия посредством сюжета. Это было единственное место в жизни Ники, где подобное вообще возможно.

Пичи Де Пино слонялась по театру с билетом в руке, потом рассматривала потолок и косилась на сцену, стоя у последнего ряда амфитеатра в ожидании капелдынера. Капелдынер взял у нее билет и проводил Пичи на место. Усевшись, Пичи извернулась, выскользнула из легкого нежно-розового маркизетового пальто с гофрированным воротником и осталась в белой блузке и темно-розовой юбке из хлопка. Она поправила нарядную розовую шелковую шляпу с большой камелией из органзы, свисающей над ухом, и пригладила волосы.

Пичи была диким цветком Филли, исхудавшим из-за войны и треволнений. Ее черные волосы ниспадали на плечи тщательно завитыми волнами, а карие глаза были такими огромными, что занимали чуть ли не половину лица. Нос калабрийской длины и римской формы представлял собой комбинацию наиболее выдающихся черт ее отца и матери. Когда она улыбалась, то озарялся целый квартал на Белла-Виста. Из-за этой улыбки Ники когда-то и влюбился в Пичи Де Пино.

Ники наблюдал за тем, как его невеста читает программку. Читала она быстро, раз в месяц совершала набеги на библиотеку и брала последние книжные новинки. Пичи так и говорила о себе: «*Я всегда в струе*». Но в этот вечер она была совершенно не в струе. Пичи терялась в догадках, зачем это Ники пригласил ее в театр.

Ерзяя в кресле партера и строя из себя посвященную, она озиралась в поисках хоть какого-то намека на отгадку: почему Ники оставил в кассе только один билет? В ожидании, пока поднимется занавес, Пичи сняла с запястья часики и бережно завела, крутя колесико между большим и указательным пальцами. Ники глядел, как она сидит там одна-одинешенька, сердце его затрепетало, и будто теплый сахарный сироп для оладий заструился по жилам.

– Эй, мне пора на сцену. – Тони повернулся к Ники спиной и показал рукой на молнию: – Помоги застегнуться, а?

Ники застегнул молнию и оглядел костюм Тони – золотой кафтан поверх бледно-зеленых лосин, коричневые башмаки.

– Как там зал?

– Партер полон, – сказал Ники, слегка преувеличивая, но Тони был достаточно близорук, чтобы проверить.

– Здорово.

Уже в образе герцога Орсино Тони прошествовал на сцену и занял позицию у декорации замка на острове Иллирия. Нарисованные окна и двери создавали иллюзию объемности, а золотые и коралловые оттенки подразумевали роскошь. Тони приподнялся на носках, попрыгал, опустил на всю стопу, потряс руками. Покрутил головой, разминая шейные позвонки.

Персонажи потянулись из гримерок и заняли места в кулисах в ожидании своего выхода, а за ними – запах сигарет, тальяка и неразбавленного виски «Джек Дэниелс» из бумажного стаканчика.

Хэмбон Мейсон клялся, что спиртное нужно ему только по вечерам для поддержания духа на сцене, но он явно прибегал к его помощи и днем, сидя в своем бухгалтерском кабинете в течение всего налогового сезона. Лысый шестидесятилетний Мейсон низко наклонился,

коснулся пальцами носков туфель, выпрямился, потянулся руками вверх, вдохнул и выдохнул, заполнив всю левую кулису запахом перегара.

Актеры присоединились к Тони на сцене, Калла взялась за шкив занавеса, и Энцо Карини занял свое место с правой стороны сцены. Вот свет в зрительном зале потускнел и занавес поднялся. Энцо поднес к губам трубу. Круг света нашарил его, и тогда он разразился величественным шквалом звуков и возвестил залу:

– «Двенадцатая ночь, или Что угодно»!

Свет на сцене разрастался, пока декорации не засияли. Тони повернулся к сцене, вошел в лужицу пересекающихся голубых лучей и начал свой вступительный монолог. Ники следил за ним по сценарию, помогая себе линейкой, чтобы не потерять нужную строку.

Спектакль в тот вечер продвигался в бодром темпе. Актеры играли превосходно, команда за кулисами трудилась споро, и, казалось, все шло прекрасно и в Иллирии, и в Театре Борелли.

По мере развития действия актеры и актрисы двигались, как шестеренки внутри больших газонокосилок, которые методично выезжали на сцену, а потом безошибочно удалялись в левую или правую кулису. В первом антракте Ники наконец перевел дыхание. Он помог рабочим сцены передвинуть задник, превратив замок в пасторальный холмистый пейзаж. Ники был так поглощен каждой деталью представления, что ему некогда было даже оценить реакцию Пичи на пьесу, но он дожидаться не мог, когда же услышит ее мнение.

– Ну, как спектакль? – прошептала Калла у него за спиной, когда он занял свое место на подиуме.

– Лучший из всех, что были до сих пор.

Калла кивнула, соглашаясь.

– Выходим на финиш, ребятаки, – тихо сказал Ники актерам за кулисами.

Труппа заняла свои места для финальной сцены четвертого акта, после которой все дальнейшее действие оставалось в умелых руках Тони и великой Нормы Фуско Джироламо – примадонны театра, играющей Виолу.

Ники быстро сосчитал участников по головам.

– Где Менекола? – спросил он.

– Кликните там Менеколу, – обратился Тони к реквизитору.

Джози, которая играла камеристку Марию, прошлепала вверх по лестнице.

– Питер Менекола ушел.

– В каком смысле «ушел»? Вышел? – спросил Ники.

– Совсем ушел. Его мать повредила ногу в церкви. Полезла на хоры, повалила всю группу теноров, как домино, и, приземлившись, сломала бедро. Вот, держи, – она протянула Калле костюм Менеколы.

Калла посмотрела на Энцо.

– Я не смогу его заменить. Я уже играю священника в этой сцене вместо Поли Гатто. Ты же помнишь, он отпросился. Ему вырезают желчный пузырь, – сказал Энцо, натягивая через голову черную сутану.

– Выбрось сцену, – предложил Хэмбон.

– Мы не можем ее выбросить, это же свадьба Себастьяна и Оливии.

Ники в отчаянии листал сценарий.

– Ники, сыграй ты, – нашелся Тони.

– Отсюда?

– Нет, со сцены. Давай. Текст ты знаешь. Играй Себастьяна.

– Я не могу.

– Хорошая мысль! – подхватила Калла.

– Я не умею.

– Ты должен.

- Я не актер.
- Все мы здесь актеры, – усмехнулся Тони.
- Ты – единственный, кто у нас есть, – властно сказала Калла.

Следующие несколько секунд пролетели стремительно, потому что Ники остолбенел. Энцо вручил ему костюм. Казалось, стая птиц налетела на него и расклевала его одежду, но, вместо того чтобы оставить Ники нагишом, птицы переодели его в детали костюма.

– Давай помогу тебе с кафтаном, – промурлыкала Джози, расстегивая пуговицы на его рубашке.

- Ники оттолкнул ее руки.
- Не смущайте его, – приказала Калла.

Актеры отвернулись (Джози – с большой неохотой), пока Ники снимал брюки и с помощью Бонни натягивал штаны Себастьяна.

Похожее чувство он уже испытывал, когда впервые надевал военную форму в Форт-Рукере. Если одежда делает человека мужчиной, а мундир превращает мужчину в солдата, то костюм создает актера. Неужели этот крашенный суконный мешок действительно обладает магической силой? Ники прикрепил воротник и одернул подол, надеясь, что кафтан придаст ему храбрости, обратит его в персонаж. Но кроме всего прочего, Ники хотел спасти спектакль. Ему не довелось стать героем, но, как все мужчины, он мечтал об этом. И вот теперь настал тот самый момент, когда судьба и ремесло сошлись, чтобы дать Ники Кастоне возможность показать миру, в чем его призвание, хотя он сопротивлялся всякой мысли о том, чтобы стать актером. В самой глубине души Ники мучительно желал играть на сцене, но подавлял это желание. Во-первых, театр не совпадал с его регламентированной повседневностью, во-вторых, он не верил, что сможет дорасти до уровня таланта Тони Копполеллы. Но сейчас, хочешь не хочешь, Ники придется открыться. Сэм Борелли верил, что публика скажет тебе, создан ты для сцены или нет. Ники был готов проверить, так ли это.

Норма взбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Ее сияющие каштановые волосы, завитые в толстые локоны, прыгали по плечам.

- У нас проблема! – прошептала она. – Кэти тоже ушла вместе с ним.
- Как, Кэти Менекола тоже нас бросила? – Калла пришла в негодование. – А один член семьи не мог управиться со сломанной ногой?
- Видимо, нет.

Норма сама была полуодета, в одном только корсаже от костюма для пятого акта.

- Давайте ее костюм, – велела Калла.

Костюмерша Бонни, чье настроение обычно было под стать ее милому имени³¹, сбежала по ступенькам с костюмом в руках. Она протянула его Калле, язвительно заметив:

- И кому нужны эти костюмеры?
- Мне, видимо, – проворчала Калла.
- Бонни, тебя тоже уволили? – спросил Ники.
- Конечно.
- Ну кто так управляет творческой организацией! – разозлился Ники.
- Вот и я о том же! – согласилась Бонни.
- Может, дождетесь конца спектакля, а уже потом перемоеете мне кости? – спросила Калла. – Отвернитесь, – велела она.
- Сыграешь Оливию? – спросил Тони.
- А у нас есть выбор? – Калла потянулась, чтобы расстегнуть молнию на платье.

Шеи мужчин дружно дернулись в сторону Каллы, предвкушая падение хлопкового пике на пол.

³¹ От шотл. *bonnie* – милый, красивый.

– Не смотреть! – рявкнула она.

Все отвернулись.

Когда Калла переступила через платье и протянула его Бонни, Ники не удержался и подсмотрел. Загорелая кожа мерцала в золотистом приглушенном свете перекрестных лучей специальных боковых светильников, и в этих лучах было явственно видно, как хорошо сложена Калла. И он отметил, что для простой девушки, не склонной прихорашиваться, расфуфыриваться и уж точно не носившей эластичный пояс, без одежды Калла выглядела далеко не заурядно. Длинная шея, точеные плечи и руки, изумительной формы грудь, но Ники не хотелось пропустить все остальное за то короткое время, что было ему отпущено, поэтому взгляд его спустился на узкую талию, изгибы бедер, ягодицы, чуть более выпуклые, чем казалось в одежде, и самое восхитительное – бледно-розовые подвязки, на которых держалась серебристая дымка чулок. Эти подвязки обвивали бедра Каллы, как ленточки обвивают подарок. Цвет чулок был ему знаком – точно такие же чулки жена его брата Лина стирала вручную и развешивала на веревке у него в ванной каждую субботу вечером, чтобы назавтра надеть их в церковь на воскресную мессу.

Бонни выложила кольцом бархатное платье Кэти на полу, и Калла шагнула в этот круг. Как будто рождение Венеры совершалось у них на глазах, пока Бонни медленно поднимала лиф розового бархата с пола, словно створку раковины, и водружала его на эти полные груди, прежде чем руки Каллы скользнут в пышные рукава. Платье оказалось сильно велико Калле, но теперь уже было неважно, как костюм прячет ее, – ведь Ники видел, что под ним.

Калла поймала взгляд Ники и зыркнула на него.

– Да неужели?

Ники быстро отвел взгляд, прямо на фонари прожекторов, и временно ослеп.

Бонни застегивала платье на Калле, когда та уже шла к сцене следом за Энцо-священником. Ники двинулся за ними.

– Ты подглядывал!

– Это вышло случайно, – виновато прошептал Ники.

– Ну да, случайно средь бела дня въехал на машине в кирпичную стену, – съязвила Калла в ответ.

– Ага, вроде того. – Ники был счастлив, что увидел ее почти совсем нагое тело, пусть точит об него когти сколько угодно.

– Может, передумаешь насчет моей работы? – шепнула Бонни, одергивая юбку Каллы.

– Не сейчас, Бонни, – огрызнулась Калла.

Калла выпихнула Ники на сцену, разместив его в нужной точке, а потом проскользнула за декорациями и встала рядом с Энцо.

Ники знал все мизансцены, потому что не пропустил ни одной репетиции. Он знал все тексты всех персонажей – по правде сказать, он мог бы сыграть и Оливию, и Виолу, возникни такая нужда.

И все же, при всех его знаниях, у него не было никакого опыта в роли дублера. Исполнение роли пастуха в рождественском вертепе в церкви Святой Риты, когда он был еще мальчиком, как и выступление на радио в пьеске, где он озвучивал разных животных, будучи подростком, никак не тянули на актерский опыт. Ники предстояло при ярком свете ramпы поставить на кон все свои скудные умения. Он должен был сыграть роль Себастьяна, но тело его бунтовало. Оно было сущим комком нервов в кафтане. Колени вдруг затряслись, да так яростно, что, поглядев вниз, Ники не увидел своих ступней – только складки шерстяной ткани костюма, под которой ноги ходили ходуном. Горло перехватило, губы пересохли, левое веко задергалось в лихорадочной морзянке. Калла вытолкнула его на сцену во мраке, и впервые с тех пор, как он был ребенком, Ники чувствовал себя растерянным, покинутым и испуганным – таковы были его собственные определения сиротства.

Монолог Себастьяна открывал сцену в саду Оливии, так что не было никаких надежд как-то облегчить Ники задачу. И пришлось Ники брать роль за горло и давить, выжимая хоть какой-то смысл из того, чего он до сих пор не понял.

Не зная, за что уцепиться, он нырнул в глубокий колодец своей памяти и подумал о том, что чувствовал однажды ночью во Франции, в городе Туре, во время войны, когда он и двое его сослуживцев-пехотинцев оказались отрезаны от своих и заблудились в лесной глухомани. Он вспомнил, как глядел в черное ночное небо, отыскивая кусочек белого света – тоненький черепок луны. Тогда он принял это как знак и последовал за ним, веря, что это путь к спасению.

Теперь Ники стоял в иной темноте, на этот раз на сцене, но так же, как той ночью в лесу он доверился почве под ногами, так теперь доверился сцене, собрал воедино всю уверенность, на какую только был способен. Само физическое действие – то, что он возвел глаза к небу, – каким-то образом придало ему сил в ту ночь. Он позволил своему телу держаться и вести его дух. Позвоночник его распрямился, плечи расправились, грудь раздалась, легкие расширились, впустили в себя больше воздуха, наполнив кислородом его кровь и заставив его скачущее сердце биться ровнее.

Свет на сцене медленно разгорался.

Пичи оторвалась от программки и заметила Ники на сцене, но поначалу не поверила своим глазам, потому что очки она забыла в конторе, в ящике стола. Но она где угодно узнала бы форму головы своего жениха и его стройную фигуру. Она сощурилась, обескураженная, но сомнения улетучились! Это был Ники! Она и представить себе не могла, чтобы ее будущий муж встал и обратился даже к небольшой группе друзей, не говоря уже о целом зрительном зале. Он никогда не давал понять, что ему хватит духу на это. И что же он здесь творит теперь?

А Ники стоял в задуманной режиссером позе, прислушиваясь к перезвону башенных часов и шелесту газет, с помощью которого команда за сценой изображала хлопанье птичьих крыльев в саду. Ники посмотрел в зрительный зал. Свет ramпы проливался на сцену и в партер. С того места, где стоял Ники, темный провал сидений с серо-голубой рябью затененных голов напоминал предгрозовое ночное небо. Некоторые зрители были в очках, и линзы отражали свет ramпы, словно зеркальца, создавая иллюзию одиноких звезд, вспыхивающих во мраке.

– *Вот воздух, вот торжественное солнце*³², – начал Ники.

Он повернулся и посмотрел на софиты, прикрепленные к балкону, – скопище черных металлических коробок, лампочек и проводов. Театральное солнце, покрытое гелем цвета розового грейпфрута, появилось в мерцающем круге света, направленного специальным прожектором. Восхитительный круг света озарил Ники, перед тем как рассеяться туманной дымкой.

Какая-то женщина ахнула, пораженная красотой живописной картинке. Этот звук воодушевил Ники, он повернулся в сторону впечатлительной зрительницы и продолжил:

– И вот ее подарок, этот жемчуг,
Здесь, наяву. Хоть я окутан чудом,
Безумия в нем нет. Но где Антонио?

– Тут я, дружище, – раздался шепот Хэмбона из-за сцены.

Ники уверенно возобновил монолог:

– Я у «Слона» его не обнаружил;
Но он там был и, говорят, пошел

---

³² Здесь и далее пьеса цитируется в переводе Н. Лозинского.

Меня разыскивать.

Ники раскинул руки, перевел дыхание и ринулся дальше, ведя монолог прямо к появлению Хэмбона. Он понизил голос и продолжил:

– Его совет

Мне сослужил бы золотую службу.
Хотя моя душа и спорит с чувством
И здесь ошибка в чем-то, а не бред,
Но этот случай, эти волны счастья
Настолько превосходят все примеры,
Что я готов не верить ни глазам
Ни разуму, который что угодно
Докажет мне, но не мое безумье.

Ники замедлил темп речи и шагнул вперед, вовлекая публику:

– Или она безумна? Но тогда
Она бы не могла вести свой дом,
Решать дела, давать распоряженья
Так ровно, рассудительно и твердо,
Как это я видал. Здесь что-то есть
Неверное. Но вот идет она.

Ники обернулся в глубину сцены. Калла-Оливия вышла из-за декорации, ведомая Энцо-священником. В дымке розового света ее кожа мерцала, щеки словно покрыты росой. Одевание из мягкого кораллового бархата окутала серебристая патина. Оливия будто явилась из пены морских волн. Она направилась к Ники, умоляюще протянув к нему руки, и густая прядь волос упала ей на лицо как будто невзначай. Когда Калла подошла, Ники инстинктивным естественным движением отвел непослушную прядку от ее лица.

Этот интимный жест застал ее врасплох. Она вспыхнула от смущения, а может, от гнева. Ники не знал, да это и не имело значения. Он ничего не мог с собой поделать.

А зал замер, весь зал, кроме Пичи, ерзавшей на своем хрустящем пальто. Она подалась вперед в надежде разглядеть, что это там происходит между ее женихом и этой странной растрепанной принцессой в платье с чужого плеча. Две глубокие, похожие на спички складки залегли меж бровей Пичи, когда она заметила искру, проскочившую между Ники, одетым в громоздкий горчичного цвета кафтан и тесные штаны, и этой женщиной с дурацкой прической. И где это в шекспировской Англии носили такие стрижки? Пичи вдруг как током дернуло – сюрприз, обещанный женихом, оборачивался чем-то совсем иным. Может, таким образом он хочет ей сказать то, что невозможно выразить лично? Неужели Ники намерен расстаться с ней и вот таким изысканным манером дает ей от ворот поворот? Пичи вспотела и принялась обмахиваться программкой.

Когда Калла сделала шаг вперед, Энцо отступил. Калла хорошо помнила мизансцену, но сейчас она оказалась в центре, хотя должна бы произносить монолог куда ближе к авансцене. Мысли путались. Почему Ники смотрит на нее так пристально? Зачем Энцо слегка кивнул, будто ободряя? Она заговорила:

– Не осуди мою поспешность. Хочешь,

Пойдем со мной и со святым отцом
В часовню рядом; там, в священной сени,
Ты, перед ним, дай мне обет великий
Твоей любви, чтобы моя не в меру
Ревнивая, тревожная душа...

При упоминании ревности и тревоги Пичи громко кашлянула. Зритель, сидевший впереди, обернулся и возмущенно вытаращился на нее, а Калла тем временем продолжила, повторив строчку:

– Ревнивая, тревожная душа
Была спокойна. Это будет тайной,
Пока ты сам не остановишь время,
Когда мы совершим обряд венчанья,
Как требует мой сан. Что ты мне скажешь?

Ники смотрел на нее. Он повернулся и сделал несколько шагов, будто отстраняясь от принятия решения, но потом вернулся и встал рядом с Каллой.

— *Пусть нас ведет ваш добрый человек*, – объявил он, и зрители хором вздохнули в предвкушении счастливой развязки. А Ники, выжимая этот миг досуха, как губку, которую вытаскивал из ведра с чистой водой, когда ополаскивал машины, поглядел на свои руки, почти автоматически, и вдруг осознал, что в руках у него ничего нет. Так Себастьян понял, что ему нечего подарить Оливии. Посему во весь голос, собрав всю эмоциональную мощь, на которую он только был способен, Ники преподнес последнюю строку – величайший подарок, какой только мужчина может сделать женщине, – обещание беззаветной верности:

– Я клятву дам, и дам ее навек.

Твердолобый фанат Шекспира, сидевший впереди Пичи, издал один короткий хлопок, а весь остальной зал одобрительно загудел. Раньше Энцо думал, что сцена гибнет, но теперь по реакции публики понял, что она еще как жива. В глазах у Каллы стояли слезы. Ники не понимал, то ли они от сознания, что спектакль спасен, то ли от наплыва искренних чувств в этой сцене. Как бы то ни было, Калла не могла смотреть ни на Ники, ни на Энцо. Уголком глаза Ники видел, как Джози из-за кулис пытается подсказать Калле следующую реплику. Но на их режиссера напал ступор.

Энцо повернулся к ним лицом, спиной к публике и просуфлировал шепотом начало строчки, которую должна была произнести Калла:

– *Тогда идем...*

Лицо Каллы обрело осмысленное выражение. Она взяла Ники за руку и сказала, обращаясь к Энцо:

– Тогда идем, отец; пусть ярким светом
Сияет небо над моим обетом.

Рука в руке Калла и Ники удалились в левую кулису, где Калла перестала сжимать Ники ладонь и бросилась к столу с реквизитом.

– Отличная работа, Ник! – похвалил его Тони и поспешил занять свое место во время затемнения между сценами.

Тело Ники горело с головы до пят, и не колючая дешевая шерсть кафтана была тому виной. Он был упоен, буквально наэлектризован изнутри. Ники вполне владел всеми членами, но впервые в жизни чувствовал, что его дух воспарил над физическим телом.

Чтобы вернуться в реальность, Ники вцепился в кафедру, опасаясь, что если не схватиться за что-нибудь, то так и улететь недолго. Пьеса на сцене шла своим чередом, но Ники оставался к ней безучастен. Норма толкнула его по пути на сцену следом за Джози, которая что-то пробормотала ему, но он их не слышал, пребывая в расхристанных чувствах. Он будто под водой сидел, а они обращались к нему с ее поверхности. Единственное, что слышал Ники, – ток собственной крови, все его нервные окончания пульсировали.

Калла что-то сказала ему, и он кивнул, согласный на все. Она пробежала за холщовым задником к месту своего выхода в пятом акте. В кулисах при звуках финальных фанфар усилилась предпоклонная суматоха – кто хватал реквизит, кто натягивал парик, кто шелкал поясом, кто тушил сигарету, и все спешили на свои места. Вращающаяся декорация на сцене была повернута и установлена в нужной позиции перед финальной сценой, но, наблюдая все последующее действие, Ники пребывал где-то совершенно в другом времени и месте, в епархии доброго священника, рядом со своей настоящей любовью, как Себастьян в «Двенадцатой ночи», познав состояние полного блаженства.

Ники плеснул себе в лицо воды над раковиной в мужской гримерке.

– Сцена у вас получилась что надо, – похвалил Хэмбон, вывешивая костюм на стойку на колесиках.

– Спасибо.

Ники затянул галстук, пригладил волосы и проверил в зеркале чистоту зубов.

– Не наложил в штаны от страха?

– Сначала – да, было дело.

– Играть – это как впервые целовать девушку. При одной мысли о том, чтобы попытаться, впадаешь в панику, но стоит начать – и останавливаться уже не хочешь.

– Очень мудро.

Ники надел пиджак. Ему долго придется объяснять Пичи, какие чувства он испытывал. Он ощущал полное удовлетворение. Наконец-то он обрел ту спокойную уверенность, которая рождается после того, как принимаешь вызов и идешь на риск.

Пичи ждала его в коридоре за дверью гримерки, прислонившись к стенке, словно поникшая маргаритка, но увидела Ники и воспрянула.

– Вот это да! – Пичи повисла на нем и поцеловала. – Вот это да!

– Пришлось выйти на замену в последнюю минуту.

– До меня только в конце пьесы дошло. Ведь твою роль вначале играл другой парень, а тут ты – да еще в панталонах, которые явно не на тебя шиты, получились какие-то средневековые капри, – тарактела Пичи быстро-быстро, что могло свидетельствовать о ее волнении, смущении или ужасе в равной степени.

– Найти костюм в пору совсем не было времени.

– Да ничего были штанцы. Никто и не заметил. Как мило, что ты решил сделать мне такой сюрприз на наше семилетие. Другим девушкам дарят букет или коробку конфет, но что это за подарок от жениха? Одни завянут, другие съедятся – и ничего не останется. Зато я! Я получила нечто вечное. Я получила воспоминание. Свадебную сцену в настоящей пьесе Уильяма Шекспира в исполнении моего будущего мужа. Кому еще дарили такое?

Ники открыл было рот, чтобы объяснить суть своей роли, но в этот момент из женской гримерки появилась Калла, натягивая короткие белые перчатки в тон платью.

– Вы та самая актриса! – Пичи повернулась к Ники, ткнула в него пальцем, потом указала на Каллу, потом снова на Ники. – Из твоей сцены же!

Ники шагнул вперед:

– Калла, позволь тебе представить мою невесту Пичи Де Пино.

– У нас случилось небольшое затруднение, и нам с Ники пришлось его ликвидировать. Но вообще-то я режиссер-постановщик этой пьесы, – тепло улыбнулась ей Калла.

Пичи и Ники испытывали неловкость рядом с Каллой, но у каждого была своя причина для смущения.

– Калла присматривает за своим отцом, – брякнул Ники, – Сэмом Борелли. Это его театр. Был. Когда он им руководил.

– Как мило... – Мысли Пичи витали где-то в другом месте. Она вдруг начала прикидывать возможный сценарий с участием Каллы (что за имечко такое странное) и Ники, но за пределами огней рампы. В том просторном платье было не разглядеть, но теперь стало видно, что фигура у нее хорошая. И нос не слишком длинный, и бархатные карие глаза. И не близорукие. Если бы Пичи встретила Каллу, бродящую по рядам «Уонамейкера», то сказала бы, что Калла Борелли – красотка. У Пичи даже в животе забурчало от зависти.

– Калла! – По коридору к ним приближался Фрэнк Арриго, почти задевая стены широченными плечами.

Фрэнк был могучий итальянец боксерской внешности – так часто выглядят трудяги родом с самого каблука итальянского сапога. В прошлом Фрэнку не раз ломали его маленький нос, но он обладал обезоруживающей улыбкой и общительностью, да и рост не подкачал. А это плюсы для человека любой национальности.

– Это был с твоей стороны полный нокаут! – пророкотал Фрэнк, целуя Каллу в щеку. – Видимо, каждый режиссер должен уметь играть.

– Только в крайнем случае. И сегодня был именно такой крайний случай. Правда, Ники?

– Настоящий театральный форс-мажор, – согласился Ники. – Но представление должно продолжаться.

– Независимо от того, впору штаны или нет, – пошутила Пичи.

Но никто не засмеялся. Пичи тихо присвистнула.

– Я подумал, что это у вас такой вариант елизаветинских панталон, – дипломатично сгладил неловкость Фрэнк.

– Нет, вообще-то они должны были доходить до щиколоток.

– Ну не доходили, так и что же? Ты так потрясно играл, что никто и не глянул ниже кафтана, – захопала в ладоши Пичи.

На радостях, что они с Ники почти освободились от этой напыщенной светской беседы, от этой нелепой ситуации, в которую ее втянули без предупреждения и объяснений, она открыла сумочку, вынула носовой платочек и легонько промокнула вспотевшее лицо.

– Фрэнк, а чем вы занимаетесь?

– Я подрядчик.

– Но собирается стать мэром Филли, – прибавила Калла.

– Ну, это еще когда. Сколько лет пройдет. Как только изучу каждую трубу, каждый стык и все разветвления в городе.

– Вы уже закончили прокладку труб в Белла-Висте? У нас на Монтроуз проблемы, и нужно ваше вмешательство, – пожаловался Ники. – Они месяцами рыли эти траншеи, и теперь у нас засор в трубах в цокольном этаже. Я-то знаю, там как раз моя комната. Может, придете и наладите?

– Он не водопроводчик, – засмеялась Калла. – Но у него наверняка есть трос для прочистки. Есть у тебя трос, Фрэнк?

– Конечно.

Ники посмотрел на Каллу:

– Видишь? У него есть трос.

– Видим-видим. У него есть трос.

Пичи ущипнула Ники, чтобы отвлечь от водопроводной темы. Ники был начисто лишен интуитивного ощущения разницы между важными людьми и людьми обыкновенными и не различал, что уместно говорить в присутствии первых, а что – в обществе вторых. Фрэнк Арриго явно был на пути к тому, чтобы стать человеком важным, но Ники догадался бы об этом последним. Это была одна из многих мелочей, раздражавших Пичи в женихе, но она не сомневалась, что уж после свадьбы сумеет восполнить нехватку у Ники социальных инстинктов. Ники окинул Фрэнка оценивающим взглядом. Будь у Каллы старший брат, он смотрел бы именно так. Вроде бы нормальный парень. Впрочем, чувства, которые испытывала Калла к Фрэнку, прочесть у нее на лице было невозможно, так что Ники терялся в догадках: может, ей известно нечто такое, чего он не знает?

Фрэнк Арриго сидел на рабочем столе в костюмерной театра, где Калла готовила костюмы для завтрашнего представления, и крутил ручку оказавшегося там радиоприемника, пока не нашел чистую от помех волну с записью Перри Комо³³. Костюмерная, большая комната в подвале театра, служила музеем прошедших спектаклей, одновременно являясь цехом, где трудились костюмер и его команда. Огромный стол в центре комнаты окружали металлические табуреты. Там же находился сундук с громадными рулонами незамысловатого бежевого муслина, а рядом такие же рулоны хлопковой ткани в бирюзовых, желтых, оранжевых и синих тонах. Полки были забиты лоскутами в чехлах, ящичками с пуговицами, застежками и нитками, стены украшали фотографии актеров во всевозможных костюмах елизаветинских времен. На гигантской пробковой доске приколоты эскизы костюмов к текущему представлению, рядом с рисунками Бонни повесила список, где перечислила платья, кафтаны, сутаны, юбки и панталоны, использованные в «Двенадцатой ночи».

Большие круглые часы неутомимо тикали над трехстворчатым зеркалом и табуретом перед ним. Часы висели в каждой комнате театра, чтобы стимулировать труппу, напоминая о скором выходе на сцену, – а может, просто потому, что какой-то богатый театрал умер и завещал все эти часы Театру Борелли. Сэм считал, что любое даяние должно служить общему делу.

Фрэнк подхватил тряпичный помидор, нашпигованный булавками, и осмотрел его.

– Ты все тут делаешь сама?

– Иногда приходится. Ты не подумай, мне много помогают. Но времена изменились. У нас была большая труппа, а теперь от нее мало что осталось.

Калла вывернула бархатный кафтан наизнанку, положила его на стол, пригладив, и спрыснула раствором, перед тем как нацепить на вешалку с надписью «Хор», снабдив ярлыком.

– И с костюмами возишься каждый вечер?

– Раз в неделю. Актеры сами заботятся о своих костюмах. Но у нас нет денег на химчистку до самого конца сезона, так что надо выкручиваться.

Калла потрясла бутылку с распылителем на горлышке:

– Водка.

– Обычно, если я на свидании, водка входит в состав коктейля, который я покупаю моей девушке. И она не поливает ею одежду.

Калла рассмеялась:

– Извини, Фрэнк. Добро пожаловать в театр. Этому старому фокусу я научилась от мамы.

Напоследок Калла занялась костюмом Виолы, пышным одеянием из шелковой тафты пурпурного цвета со шлейфом, обшитым золотом. Она бережно положила платье на стол.

---

³³ Пьерино Рональд «Перри» Комо (1912–2001) – американский певец и телезвезда 1940–1950-х, лауреат премии «Грэмми» 1958 г., получивший большую известность благодаря своему мягкому и проникновенному баритону.

– Этот костюм играет в театре, сколько я себя помню. Каждая исполнительница главной роли его носила. Каждая Люциана, и Дездемона, и Офелия. Мы меняли оборки и добавляли другой воротничок или рукав. А зрителям невдомек.

Калла осторожно сбрызнула ткань, чтобы не слишком ее намочить.

– Ты же знаешь, я ничего не понимаю в театре.

– Хочешь поучиться?

– А должен?

Калла засмеялась:

– Хотя бы честно.

– Но меня интересуешь ты.

Калла покраснела:

– Как можно интересоваться мной, не зная, чем я занимаюсь?

– Тебе бы понравилось чистить отстойники?

– Нет.

– И я не ожидаю, что понравится, но... это часть моей работы.

– Весьма справедливо.

– У нас много общего, чтобы интересоваться друг друга.

– Ты так думаешь?

– Я уверен. Смотри, у тебя ровно три веснушки на носике безупречной формы.

Фрэнк соскочил со стола и неожиданно для Каллы прижал ее к себе.

– Мои родители полюбили друг друга на танцах в Сан-Дonato в 1917 году, перед тем как папа ушел на Великую войну. Ты танцуешь?

Не успела Калла ответить, как Фрэнк закрутил ее по костюмерной, нечаянно наступив ей на ногу.

– Кто ведет, ты или я?

– Сама виновата, это ты вела.

– Нет, не я!

– Я не мог ошибиться. Я брал уроки танцев, – гордо заявил Фрэнк.

– Требуй деньги назад.

– Они не возвращают.

– Печально для твоего счета в банке и для моих ног. – Калла сделала реверанс и вернулась к костюмам.

– Калла, а сколько тебе лет?

– Двадцать четыре, а тебе?

– Тридцать три.

Калла присвистнула.

– Староват для тебя?

– Нет. В этом возрасте папа стал руководить театром.

– И отсюда же ушел на пенсию?

– Он здесь работал всю жизнь.

– И как он справился?

– Были времена, когда дела шли неважно. Провал спектакля может сильно ударить по семье. Но отцу всегда удавалось что-то придумать и исправить положение. Обычно помогала постановка комедии.

– Люди любят посмеяться.

– Конечно. И раньше они приходили за этим в театр.

– А я только что купил телевизор.

– В самом деле? – заинтересовалась Калла. – И как?

– Надо бы как-нибудь показать тебе. Очень увлекательная штука. Может, потому, что новая. Но там можно посмотреть «Мартина и Льюиса»³⁴ и всякие другие развлечения, не ожидая, пока их покажут в клубе или в кино, просто сидишь у себя дома и смотришь. Я думаю, это будущее.

– А я-то надеялась, что это кончится ничем.

– Чтобы твое дело опять начало процветать?

– Чтобы мир не менялся так быстро.

– А что плохого в переменах?

Калла пожала плечами:

– Чем плохо придерживаться ритуалов таких же древних, как сами люди? Есть нечто сакральное в том, что зрители приходят поглядеть на актеров, рассказывающих им истории. Раньше достаточно было просто хорошо рассказывать. Но нынешние зрители желают большего. Знать бы, как заманить публику на спектакли. Я думаю, что если бы они увидели хоть один, то стали бы ходить постоянно.

– Может, театр слишком старомоден, – предположил Фрэнк.

– Может, ничего такого с театром, но люди скорее останутся дома и будут смотреть телевизор.

Фрэнк перегнулся через стол, приблизив к ней лицо:

– Или, может, люди просто идиоты и не умеют ценить то высокое качество, которое им предлагает театр.

– Я думаю, ты сейчас так говоришь, потому что хочешь меня поцеловать.

– Нет, я просто поцелую тебя, потому что иначе жизнь остановится.

– Тебе точно пора избираться на должность мэра. Умеешь работать с публикой.

Фрэнк обошел стол и встал рядом с Каллой. Он сложил руки, как она, глядя на вешалку с костюмами.

– Я поцелую тебя, если только ты этого хочешь.

Она обернулась к нему, улыбнувшись:

– Возражать не буду.

Фрэнк нежно поцеловал ее.

– Есть хочешь? – спросил он.

– Всегда.

– И я. Но куда оно все девается?

– Пропадает на ступеньках между бельэтажем и подвалом. Если бы мне предложили исполнить одно мое желание...

– Да? – сказал Фрэнк, надеясь, что она подумала о нем.

– Я бы пожелала подъемник. С платформой.

– Хорошо, – кивнул Фрэнк.

– Я видела такой в Оперном театре Филадельфии. Не хочу думать, что я завистлива, но этому лифту я завидую. Мне здесь приходится много мотаться.

Калла вернула бутылку с водкой в секретное место, ящичек в швейной машинке «Зингер». Если оставить ее на виду, то Хэмбон Мейсон вместо спрыскивания смешает коктейль. Она погасила свет в мастерской и спросила:

– Куда мы пойдем?

– Я думаю, прокатимся.

– У меня машина.

---

³⁴ Джерри Льюис (1926–2017) – американский актер, комик, режиссер и писатель, известность которому принесла совместная работа с Дином Мартином (Дино Пол Крочетти, 1917–1995), американским эстрадно-джазовым певцом и актером итальянского происхождения. Первоначально они выступали с юмористическими номерами в ночных клубах, далее последовала передача на радио, затем собственное телевизионное шоу, а итогом стала серия комедийных кинофильмов.

– Тогда оставишь свою дома и возьмем мою. И поедем в «Палумбо» на поздний ужин. Ну как?

Калле нравилось, что Фрэнк умеет принимать решения. Она сама проводила дни и ночи в театре, принимая решения обо всем: от освещения до костюмов, акустики или как избавиться от жевательной резинки, прилипшей к полу в фойе. Хорошо, когда парень умеет планировать, а еще лучше, что ей уже заранее известно, что он отлично целуется. У Фрэнка Арриго было прекрасное будущее.

Ники и Пичи ехали на велосипеде по Южной Девятой улице. Пичи придерживала шляпку одной рукой, а другой ухватилась за раму, пока Ники лавировал в потоке машин. Когда они добрались до «Стейков Пэт», он мягко притормозил.

Пичи спрыгнула и ждала, пока Ники прислонял велосипед к столу. Он приобнял ее, и они встали в очередь за сэндвичами.

– Я заметил, что ты подружилась с какой-то зрительницей.

– Ага. Милая дама. И тоже работает в «Уонамейкере».

– В бухгалтерии?

– Не-а. В отделе продаж. Она дала мне свою визитку. Никогда не видела ее раньше, но заметь: заведует секцией новобрачных. Это ли не судьба? Я подумала, что нам надо вместе туда сходить.

– Как только захочешь.

– Ну, на самом деле надо сначала назначить день свадьбы, а то бывает, что набегит толпа случайных людей, которые, может, и не собираются жениться, и в результате отдел завален бумажками без всякой выгоды. Мы должны представить настоящий список гостей, чтобы подписаться на сервис от «Роял Альберт» с росписью «английский ситец»...

– Позволь, я догадаюсь: розовый.

– Естественно. Потом столовое серебро, «Уильямсберг» от Тоула, и все остальное, необходимое молодым, вроде ведерка для льда, коктейльного миксера и пивных кружек из хрусталя. Нам надо шесть. Но я ничего не могу предпринять, пока мы не определимся.

– Пич, кажется, я знаю, куда ты клонишь, – поддразнил ее Ники.

– Все завязано на дату свадьбы.

– Понятно.

Ники нагнулся к окошку и заказал два сэндвича со стейком и моцареллой, ей без перца, себе с перцем, и две бутылки газировки на травах.

– Я подумала назначить свадьбу на двадцать девятое октября, – тихо сказала Пичи.

– Меня это устраивает.

– Точно?

– Мне нравится осень.

– Осенью прохладней, и гости могут одеться в бархат. Бархат – моя любимая ткань.

– Как скажешь, Пичи.

– Ты же знаешь мою маму. Единственное, что она требует, это чтобы свадьба состоялась в такое время, когда все носят одежду с длинными рукавами.

– Правда? Это все, что она требует? – пошутил Ники.

– Пусть и она получит удовольствие. Один Бог знает, как долго она ждала этого.

– Я не поленился и съездил в Уортон, поглядел на тамошние новостройки, – признался Ники.

– Правда?

– Я думаю, тебе очень понравится. Домики такие милые. Много места на задних дворах. Ну, для детей и пикников. Крепкие деревянные заборы. Можно покрасить в любой цвет

или проморить под сосну или красное дерево, что угодно. Можно даже пустить вьюнок. И для садика хватит места. Как у тебя с садоводством?

– Мои помидоры похожи на помидоры, – заверила его Пичи.

– Хорошо. И готов поспорить, что соседство там из лучших.

– Наверное, молодожены, как мы.

– Наверное.

Пичи обвила Ники руками:

– Я так счастлива.

В окошке появился заказ. Ники рассовал бутылки по карманам и подхватил пакет с сэндвичами. Пичи вскочила на раму, и они покатали через мост к парку Фэйрмаунт, потом свернули и через Сад азалий направились к «Фонтану морских коней».

Институт искусств, величественное белое здание из песчаника, рядами огромных окон обозревавшее сады, подсвечивалось изнутри, делясь огнями с зелеными лужайками.

– Эй, наша скамейка свободна, – обрадовалась Пичи, хватая Ники за руку. – Это знамение: то самое место, где я сказала «да».

Ники поцеловал ее.

– Все к нам расположено.

– Я надеюсь.

– Так и есть, не сомневайся.

– У меня бывают мрачные мысли, все кажется, что-то пойдет не так. Не знаю, откуда они приходят. Просто приходят, и все. Понимаешь?

Пичи оборвала свисавшую нитку на юбке.

– Ну так избавься от них.

– Это не так легко. Я беспокоюсь о нас. А ты такой легкомысленный.

– Ты о чем это? Ты же моя девушка.

– Я знаю. И кольцо это подтверждает. – Она подняла руку и покрутила кольцо, украшенное бриллиантом. – Но вы, мистер, слишком уж дружелюбны с девушками.

– С какими девушками?

– А вот с этой Стеллой Корелли.

– Каллой Борелли.

– Ага, с ней. Между вами какие-то искры проскакивают.

– Какие искры! – Счастье, что Пичи не умела читать мысли, иначе она прочла бы, что Калла Борелли как раз сейчас танцует в лобной доле его мозга в одних трусиках. Ники открыл газировку и протянул одну бутылку невесте, отпил из другой. – Никаких искр нет.

– И не надо. Мой отец однажды изменил маме, и это оставило шрам.

– На тебе или на ней?

– На обеих.

– Я тебе верен, Пичи. Верен тебе.

– У меня нет свидетельств обратного. Но не испытывай меня. Я не для того прошла такой долгий путь, чтобы ты взорвал нас, как динамит в канализационной трубе.

– Никаких взрывов, мне хватило их во Франции. Но я надеюсь, тебя утешает мысль, что твои отец и мать с достоинством решили свою проблему.

– Почти. До суда дело не дошло, но...

Ники расстегнул воротник, чувствуя, что воздух отчего-то не выходит из трахеи.

– До суда?..

– Мама, может, и выглядит скромницей...

Ники еще глотнул газировки. «Скромница» – последнее слово, которое он употребил бы в описании будущей тещи. На самом деле к любым определениям надо было приставить «не» – неделикатна, неподъемна, немилосердна. Суший молот для забивания свай.

– Но стоит бросить моей мамочке вызов, – продолжала Пичи, – она сражается, как дикий аллигатор. Заляжет на глубине и, когда ты ее меньше всего ожидаешь, откроет пасть и слопают.

– Что это значит? – пискнул Ники.

– Она проведала, где живет папенькина пассия, и навестила ее. Когда та женщина открыла дверь, мама сняла туфлю и стала бить врагиню по голове.

– Господи помилуй...

– Та выжила.

– Спасибо Создателю.

Пичи пожала плечами:

– Зато чуть не осталась без глаза.

– Что?

– Каблук пришелся рядом с глазницей, но только сломал ей нос. Вернее, не совсем сломал, но мамуля хорошо приложила, так что той леди пришлось его вправлять. Даже полиция приезжала.

Ники вскочил:

– Твоя мама привлекалась?

– Голосовать она все еще может. – Пичи достала сэндвичи из пакета. – Итак, мораль сей истории такова...

– Не открывать дверь, когда твоя мама снимает обувь?

– Ты смешной. Нет. Мораль такая: не стой у нас на пути.

– Да я и не собираюсь.

Ники снова уселся.

– Слушай, а что, если устроить нашу свадьбу в Институте искусств? Кому нужны эти допотопные банкетные залы? Будем не как все. Обожаю этот фонтан, – зашептала Пичи.

– А знаешь, я видел оригинал в Риме.

– Правда?

– Во время войны. В самом конце. Это работы одного скульптора – Бернини. Но наш фонтан подарил городу Муссолини.

– И мы его оставили?

– Филли получил фонтан еще до войны, в двадцать восьмом. Подарок не виноват, что его преподнес фашист. Кроме того, это дар не от него лично, а от всех итальянцев. Он просто был тогда у власти.

– И мы должны были его принять. Мы ведь оттуда, это наш народ, – сказала Пичи задумчиво. – Жаль, что мы не можем провести медовый месяц в Италии.

– Мы же дом покупаем.

– И это прекрасно. Не могу же я жадничать. Атлантик-Сити тоже хорош для медового месяца.

– Как насчет Ниагарского водопада?

– Замерзнем до смерти, но если хочешь, то замерзнем вместе. Я умираю с голоду, – сказала Пичи, разворачивая свой сэндвич. – Да и ты, наверное, тоже. Весь день за рулем.

– А потом еще смена в театре.

– Так ты получил билет для меня бесплатно за помощь вечером?

– Не совсем.

– Они попросили тебя прийти еще?

Пичи уложила сыр, стекший по краям обратно на булку.

– Пичи, я там работаю уже три года.

– Что значит «работаю»?

– Это моя вторая работа, я служу у Борелли с тех пор, как вернулся с войны.

– Все это время?

– Пару вечеров в неделю. Иногда больше.

– А почему ты мне никогда не говорил об этом?

– Не знаю. Я в основном был суфлером. Не знал, как тебе это сказать. Я подсказываю актерам реплики из будки, когда они их забывают. Мне казалось, что я не смогу объяснить.

– За три года можно объяснить, куда ты ходишь и что там делаешь. Что у тебя есть вторая работа. Это же не хобби. Это обязательства. Даже почти карьера. Как ты получил эту работу?

– Я ее не искал. Однажды вечером, когда я вернулся домой, тетя Джо дала мне билет на спектакль. Церковная община устроила совместный поход в театр, а тете идти не хотелось, так что я пошел в театр вместо нее. Они ставили «Как вам это понравится». Я никогда не видел пьес Шекспира, но эта мне сразу пришлась по душе.

– Представление может сделать такое с человеком! Когда я первый раз увидела ледовое шоу в Атлантик-Сити, то как будто весь мир изменился. Гретхен Мэрил³⁵ вживую на коньках! Восьмерки! Прыжки! Каток. Музыка. Костюмы. Все ручной работы. А стеклярус, а горностаевый мех!

Глаза Пичи сверкали, словно блески на воображаемом платье. Ники был уверен, что она поняла его чувства.

– Ага, это важно. То, что называется «зрелище». Но есть еще и слова.

– На ледовом шоу не разговаривают.

– Правильно. Но у Шекспира все в словах. И они разговаривали со мной. Слова казались знакомыми. И сюжет пьесы завладел моим вниманием. Я почувствовал, что знаю ее.

– Может, ты проходил ее в школе.

– Нет, мы читали только «Ромео и Джульетту». В любом случае я там и застрял, и одно повело к другому, я видел, что им нужна помощь, так что старина Борелли предложил мне работу. Я начал кассиром, а потом пробился наверх, в труппу...

– Пробился наверх?

– Ага, в театре есть иерархия.

– Иерархия есть везде, Ники. Так мир в основном и работает. Но чтобы тебя продвинули наверх, ты должен быть в очереди.

– Я понимаю. Тогда я и стал суфлером.

– Хорошо. Ну и ну. Погоди. Ты ходишь к Борелли пару раз в неделю, получаешь повышение и забываешь рассказать об этом невесте?

– Я тебе рассказываю сейчас. Но я думаю, что важно иметь что-то личное, только для себя. Надеюсь, у тебя тоже так.

– У меня – нет. Ты знаешь обо мне все.

– А, ну хорошо.

– Во всяком случае, ничего такого на ум не приходит.

– Ты никогда не спрашивала меня, куда я хожу.

– Я думала, что ты работаешь лишнюю смену в такси.

– Но ты же звонила в гараж, и меня там не было. И часто.

– Я специально не оставляла сообщение.

– И где, по-твоему, я был?

– Я думала, что ты играешь с кузеном Джо.

– Почему ты не спросила меня, если думала, что я играю?

– Не люблю дурных новостей, – сказала Пичи и вонзила зубы в сэндвич.

– Так что ты думаешь о пьесе?

– Мило. Но я все еще не понимаю, как ты в ней оказался.

---

³⁵ Гретхен Мэрил (1925–1965) – фигуристка из США, участница Олимпиады 1948 г.

– Питер Менекола, один из актеров, был вынужден уйти, а денег на дублеров у нас нет. Точнее, есть Энцо, который дублирует все роли, но он уже был занят в той сцене, заменяя Поли.

– А почему тебе пришлось играть любовный эпизод?

– Больше некому было.

– И никто, кроме Каллы, не мог подыграть в роли возлюбленной?

– Никто.

– Она была хороша, – признала Пичи. – Даже плакала. Я думаю, что плакать тяжелее всего.

– Я согласен!

Ники не слишком разбирался в актерской технике – кроме того, что он видел на сцене или замечал на репетициях, которые раньше вел Сэм, а теперь Калла. Но понимал: чтобы заплакать, нужно немалое умение.

– Хочешь начистоту, Ники? Многого в спектакле я не поняла. Вся пьеса показалась мне темной.

– Легко запутаться, – согласился Ники. – Я понимаю, почему ты потерялась. Одни и те же актеры исполняли разные роли по ходу действия, мужчина в следующей сцене становился женщиной, которая одевалась как мужчина, и так все время.

Ники еще попытался было объяснить сюжет «Двенадцатой ночи», но сдался. Однако ему хотелось поговорить с Пичи о своей случайной роли в пьесе. Хотелось признаться ей, как он был испуган, когда его выдернули из роли суфлера, с его места за сценой, и втолкнули в пьесу. Ему хотелось поделиться с ней тем, какой ужас он испытал, когда началась сцена, и как он почувствовал связь со словами и с актерами. Но Пичи не интересовалась театром. Ну и что? Они не во всем соглашались. Ей нравился розовый цвет, ему – нет. Она предпочитала белый соус, он – красный. У него начинали ныть зубы при звуках голоса Джанет Макдональд³⁶, а Пичи могла пересматривать любимые фильмы по четыре раза подряд. Они были разными. Мужчины и женщины отличаются – и все дела.

– Но это случилось один раз, так ведь? – осторожно осведомилась Пичи.

– Что Энцо не смог продублировать? Я не знаю.

– Я спрашиваю, ты сыграл один раз – и на этом все?

– Уже можно не беспокоиться. Меня сегодня уволили.

Пичи постаралась скрыть облегчение при известии, что театральная карьера Ники закончена.

– Уволили?

– Калла уволила. И вот доказательство, что между нами нет никаких искр. Не знаю, как долго еще театр продержится. Это борьба. Мы продаем слишком мало билетов.

– Ну, что ни делается, все к лучшему, Ники. Когда мы поженимся, свободного времени у тебя останется не так уж много. Надо будет обустроить дом, и ухаживать за садом, и путешествовать.

Ники взялся за голову.

– О, Ник, прости меня. Тебе нравилось работать у Борелли? – Пичи погладила Ники по спине и закатила глаза.

– Нравилось.

– Я все понимаю насчет зрелищности и того, чем занимается суфлер, но играть на сцене... – У Пичи перехватило горло. – Ты хотел бы продолжать это хобби?

– Не думаю. Толку от меня...

---

³⁶ Джанет Макдональд (1903–1965) – американская актриса и певица. За свою кинокарьеру с 1929 по 1949 г. она снялась в 29 фильмах, четыре из которых были номинированы на «Оскар», а также записала три золотых диска.

– Из того, что я видела вечером, и судя по остальной труппе, это не совсем критерий для суждения.

– Тони прекрасный актер. Мне до него как до луны.

– Ну да, сравнить трудно, но откуда это известно? У тебя был только один выход.

– Я знаю.

Ники не хотел признаваться, что, выходя на сцену, он испытал такой подъем, какого не испытывал никогда в жизни. А после реакции Пичи на спектакль, на его вторую работу и на увольнение он сообразил, что теперь не лучшее время делиться с ней своими восторгами.

Пичи пожала плечами:

– Лучше тебе держаться от них подальше. Борелли – это клоповник. И скоро разорится.

– Его просто нужно подновить. – Ники снова отхлебнул газировки.

– Там нужно куда больше. Туда же никто не собирается ходить. Никто не говорит: «Сходим к Борелли субботним вечером», нет, все говорят: «Сходим в кино». Или: «Прошвырнемся к Луису Приме и Келли Смит в Сейлорс-Лейк», «Поедем в Нью-Йорк на Бродвей и закатимся в “Везувио” пропустить стаканчик». Никто не говорит: «Хорошо бы посмотреть “Двенадцать ночей”».

– «Двенадцатую ночь».

– Да какая разница. Это уже труха, изъеденная молью. Как волосы, которые моя бабушка собирала в баночку с крышечкой. А теперь мы делаем начесы. Мы не храним волосы. Много выходит из моды и становится ненужным. Как Театр Борелли.

– Он старомоден, я понимаю.

– Когда мужчина надевает трико, это не *au courant*³⁷. Прошли те времена, когда люди скакали на лошадях и носили доспехи. А в программке было написано: «Карета прибывает в 9 ч. 20 мин. пополудни».

– Это просто дань тем временам, когда театр только открылся. Они выставляли такое объявление в кассе, чтобы посетители знали, когда представление закончится.

– Хорошо, Ник, как бы ты это ни объяснял, со всеми подробностями, – все равно старье все это. И годится для книг по истории, которых никто не читает, потому что всем скучно. Мы молодые. Мы не можем жить в прошлом, на пыльном чердаке среди сундуков с затхлыми панталонами. Мы живем здесь и сейчас. Когда мы поженимся, то будем все делать ради будущего, ради совместной жизни. Ради наших детей и нашего дома с новейшей кухонной утварью. Мы живем на пороге пятидесятих. Все внове. И время называют новым. Подумай только, даже платья, стиль называют «новый образ». Мы сами и есть пятидесятые! – Пичи взяла Ники за руку. – Ты действительно хочешь себя похоронить в этой дыре? Мы купим машину, мы будем путешествовать. Мы – современные люди! Будем ездить в город и ходить по клубам. Нью-Йорк, вот тебе еще одна новость, – всего-то час и двадцать минут через Джерси и по мосту. Что нам стоит пойти в музей, и приобщиться к культуре, и пообедать у Сола Энтони, и потанцевать в Латинском квартале! Мы же можем осмотреть мир сверху донизу, стоит нам только пожениться. Все спектакли, какие захочешь. Прекрасные. С настоящими актерами, как Эрнест Боргнайн³⁸. А не с теми, кто доставляет газировку в парк на Двенадцатой авеню по случаю пикника Международного профсоюза работников в День труда. Ты понимаешь, о чем я?

Ники кивнул.

– Так вот я и говорю, замечательно, что тебе есть куда пойти после работы, есть чем заняться, получить удовольствие, помимо меня. Мой отец играет в карты. Моя мать? Она наслаждается собраниями прихожан в церкви. Это их товарищество. И я понимаю, что Борелли

---

³⁷ В струе (*фр.*).

³⁸ Эрнест Боргнайн (Эрмес Эффрон Борньино, 1917–2012) – американский актер, лауреат премии «Оскар» за лучшую мужскую роль в 1956 г.

– это место общения для тебя, общения с людьми, которые обычно не озабочены работой или церковью. Я хочу сказать, что они наверняка устраивают вечеринки и ты там познакомишься с людьми, заводишь друзей и беседуешь на интересные темы. Но это не настоящая жизнь. Все понарошку – как этот парень, который днем бухгалтер, а вечером в панталонах размахивает мечом.

– Хэмбон?

– Какая разница? Или та дама с грудью, соблазняющая парня, который явно не хочет к ней приближаться.

– Джози?

– Да какая разница. Это все ненастоящее.

– *Не подлинное*, ты хочешь сказать.

– Нет.

– Подлинный драматический театр – театр профессиональный.

– Тогда – да. Это непрофессионально.

– Но это не так. Мы продаем билеты. Нам платят за них.

– Хорошо. Если люди за что-то платят, это еще не означает, что товар доброкачественный. Эти Борелли вцепились в семейный бизнес, никому не нужный, ухватившись за старую мечту, подобно какому-то бедняге недотепе, висящему на ветхой веревке над пропастью. В конце концов веревка порвется и он разобьется на острых утесах, превратившись в котлету. Но если и удержится, то что с того? Изотрет руки в кровь. И все тут. Борелли держится, но долго это не может продолжаться. Да и здание уже почти приговорено.

– Ты что-то слышала?

– Нет, я просто зашла в дамский туалет, и у меня нога провалилась под линолеум, когда я мыла руки.

– Тебе пьеса не понравилась, правда?

– Второй раз я туда не пошла бы, если ты об этом спрашиваешь.

– Никогда?

– Никогда, если у меня есть выбор.

Ники откусил от своего сэндвича и медленно начал жевать. Мягкое мясо, теплый сыр и острый перец были вкусны, но он не мог этим наслаждаться. Он думал, что, возможно, никогда не вернется в Театр Борелли, и что это значит для него, и во что это его превратит. Он мог представить, что никогда больше не сядет за руль такси, но не мог представить жизнь без Театра Борелли.

– Ник, ты ешь слишком долго.

Пичи покончила с едой и вытерла руки бумажной салфеткой. Камелия на шляпке свесилась ей на шею, и она выглядела как маленькая девочка. Огромные глазищи, едва заметный подбородок, томление и желание на лице, да еще этот нимб из розовой органзы вокруг головы.

– Я сказала что-то не так? Ма говорит, что я постоянно переживаю. Я пережала, да?

– Нет. Конечно, нет.

– Ну не знаю, иногда я все неправильно говорю. – Ее карие глаза наполнились, как аквариумы. – Да и делаю все неправильно.

– Ну не надо. Не плачь, Пичи.

– Вдруг возникло чувство, будто у меня что-то отобрали.

– Почему?

– Как будто мне запретили рассказывать, что я чувствую. Как будто я должна все скрывать.

– Я от тебя никогда этого не требовал.

– Отлично. Потому что я не умею. Мы слишком долго вместе, чтобы так обращаться друг с другом.

– Ты права.
– К тому же все кончается для меня мигренью. Мне это надо? И так забот хватает. Она протянула к нему обе руки, с одной свисала сумка:
– Пошли. Мне на работу завтра спозаранку.
– Может, поймаем автобус? По вечерам разрешают брать велики с собой.
– Не-а, нам полезен свежий воздух. – Пичи нежно поцеловала Ники в губы. – Все отлично. Замечательно. Пока мы вместе.

Ники аккуратно запаковал остатки своего сэндвича и протянул сверток Пичи. Она села на раму, и Ники помог ей устроиться поудобней. Она держалась за руль, и он, наклонившись, поцеловал ее в шею, а потом тронулся с места.

Фрэнк Арриго ехал по мосту медленно-медленно, потому что хотел, чтобы вечер с Каллой как можно дольше не кончался. Она была именно той, кого он искал, – дерзкой итальянской девчонкой из Саут-Филли. Младше его, но далеко не глупа. Глупых он не переносил. И хорошенькая к тому же, но не из тех, к кому бы он не посмел подступить. Она вроде бы не сильно обращала внимание на прическу, просто позволяла волосам развеяться. Ему нравилось, что она согласилась оставить верх машины поднятым. Что она все подобрала с тарелки и что отведала вина. И что не заказала коктейлей с бумажными зонтиками. Он готов был побиться об заклад, что в жаркую погоду она пьет пиво. Калла скользнула поближе к нему на переднем сиденье и взяла его за руку.

Фрэнк и Калла миновали Ники и Пичи на пешеходной дорожке моста, два силуэта в темноте.

– Бедняжки на велосипеде, – прокомментировал Фрэнк.
– Что в этом плохого? – Калла смотрела, как парочка свернула с моста на дорогу вдоль реки.
– Не знаю. У них нет машины.
Фрэнк погладил приборную панель «понтиака-торпедо».
– Я думаю, это романтично. – Калла наблюдала, как пара исчезает в темной ночи.
– Романтику оставь мне. – Фрэнк прибавил скорости и включил радио.

Ники вез невесту по дороге, а бледное серебро луны озаряло ему путь у реки. Пичи закрыла глаза и позволила холодному ночному воздуху унести подальше все заботы, которые еще остались. Не так много девушек в мире, которые согласны на сэндвич в парке и велосипед на обратный путь к дому, но Пичи Де Пино оказалась именно такой и согласилась. Для Ники Кастоне это делало ее «той самой» девушкой.

ТЕЛЕГРАММА

КОМУ: Э. ГУАРДИНФАНТЕ

ОТ: К. ГУАРДИНФАНТЕ

10.05.1949

VAGGIO PIACEVOLE. PIÙ DALL' AMERICA ALL' ARRIVO³⁹.

Теплоход «Вулкания» плыл по Атлантике уже пять дней, когда под дверь каюты второго класса, которую занимал посол Карло Гуардинфанте, просунули приглашение, написанное от руки.

---

³⁹ Путешествие приятное. Подробности из Америки по приезде (ит.).

Будем очень признательны за удовольствие видеть Вас сегодня вечером на обеде и танцах в 20:00 в Большом зале.

(Глаза Карло расширились.)

К нам присоединятся капитан Джек Ходжинс

(Карло потрясенно кивнул),

мистер и миссис Джозеф (Изабелла) Скаччьяферро,

мистер и миссис Аттила Марио Селтембрино

(Дорена Фата) Каstellани

и

миссис Патрисия Дзампиери.

Сердце посла чуть не выпрыгнуло из грудной клетки. Скаччьяферро, Каstellани и вдова Дзампиери были титанами американской индустрии, импортерами итальянского мрамора с тесными связями в карьерах Тосканы. Они снабжали американских строителей превосходным каррарским мрамором для дворцов, церквей и монументов. Приглашение предлагало именно то общество, на которое посол рассчитывал, ступая на борт теплохода «Вулкания». Его взгляд упал на последнюю деталь.

Форма одежды: официальная.

Карло ослепит их своим парадным мундиром. Элизабетта все предусмотрела.

3

Кончетта Де Пино аккуратно разложила стопки ярко-розового тюля перед каждой тарелкой на обеденном столе, сверху – коробочки с миндальным драже, перевязанные розовыми атласными лентами и снабженные ярлычками с именами каждой подружки невесты, а также именем Джо Палаццини, тети будущего супруга Пичи. Две рабочие корзинки с ножницами, рулончиками розовых лент и дополнительные коробочки с миндальным драже расположились по краям стола.

Мать невесты проверила главный экспонат – огромный объемный свадебный колокол из ячеистой бумаги. Колокол этот Кончетта позаимствовала у своей соседки Долли Фарино, обладательницы целого шкафа прихотливых украшений на все случаи жизни.

С хрустальной люстры над столом свисала дата свадьбы: 29 октября 1949 года, прописными картонными буквами и числами с серебряными блестками. Если бы Кончетта Де Пино могла выгравировать эти цифры бриллиантами на золотых слитках, она бы так и сделала в ознаменование наивысшего достижения в своей материнской карьере – свадьбы ее дочери и Николаса Кастоне.

Только Вторая мировая война и нерешительность Ники стояли между ее дочерью и алтарем, чествующим Де Пино/Кастоне высокой брачной мессой, но теперь дорога очистилась. Через несколько кратких месяцев мечта Пичи исполнится, бумаги будут подписаны, а на пальце ее появится золотое кольцо. Мистер и миссис Николас Кастоне будут навечно занесены в архивы. Энтузиазм переполнял Кончетту, а еще она испытывала невероятное облегчение.

Кончетта взглянула в зеркало над барной тележкой и проинспектировала свое изменившееся лицо. Оно было обрамлено волосами, выкрашенными в светло-абрикосовый цвет, чтобы

скрыть седину, брови оставались черными и густыми, как в юности, красиво подчеркивая карие глаза, но губам уже чего-то не хватало. Кончетта обычно пользовалась тремя оттенками коралловой помады, от светлого до темного, комбинируя их, чтобы изобразить пухлость, отнятую природой. Она перебросила бриллиантовую застежку жемчугов со спины на грудь, чтобы драгоценности заиграли, – как полагала Кончетта, это придавало блеска и ей самой, – затем отступила, повернулась боком и наклонила лицо к зеркалу, втянув живот и распрямив плечи. Формы Кончетты к шестидесяти пяти изменились: была скрипка – стала утка. Узкая некогда талия раздалась и стала похожа на растянутую резинку поношенных трусов. Теперь до конца жизни придется носить жесткий пояс. Кончетта издала тихий вздох, признавая поражение. По крайней мере, она сохранила лицо.

На керамическом блюде были разложены по сортам маленькие бутерброды к чаю на тонких ломтиках белого американского хлеба – с острым сыром и ветчиной, с творогом и красной икрой, с инжирной пастой и взбитым медом. На многоярусной серебряной вазе шарики белоснежного свадебного печенья, украшенного розовой кокосовой глазурью, располагались рядом с вырезными коржиками в виде букв «Д» и «К». И вдруг Кончетта с ужасом сообразила, что это не только инициалы жениха и невесты, но и аббревиатура процедуры, которую она перенесла несколько лет тому назад в клинике Аллегени. Она быстро поменяла буквы местами.

– Какого черта, Конни, что за переполох? – Ал Де Пино, вот уже сорок два года как ее супруг, стоял в дверном проеме в плотных белых трусах. Своей комплекцией он очень походил на Шалтая-Болтая: шея, грудь, талия смотрелись одним целым, буквально без единого шовчика.

– Господи, Ал! Оденься. Палаццини уже на пороге.

– И что?

– Не хочу их пугать.

– Боюсь, что это мы, Де Пино, должны пугаться.

– Чего нам бояться?

– Этому Кастоне нельзя доверять.

– Не говори такое.

– Он мне не нравится.

– А мне нравится.

– Он сомнительный сирота. Почему она не могла выбрать мальчика с родителями?

– Ей нравится племянник, и что? Старший никогда бы не увлекся Пичи. А Джо? Не надо нам азартного игрока в семью. Это проклятие, от которого никогда не избавишься. Кроме того, он уже женат на ирландке. А Нино любит Лину Кортино со школы. Остается только Ники Кастоне.

– А у нас для выбора только одно семейство на всю Филадельфию? – Ал сложил пальцы двумя клювиками и клюнул слова для большей выразительности. – Мы что, не могли выбрать из трех штатов? Нас ограничивает география? Мы что, растения, которые могут вызреть только в определенном климате? Кто придумал эти правила?

– Твоей дочке нравится то, что ей нравится.

– Ты ее избаловала, и вот тебе результат.

– Нет, это ты против нашего желания перевез нас из Род-Айленда, когда на Пичи только начали заглядываться интересные молодые люди, и здесь ей пришлось начать все сначала, а потом война – и вот мы там, где мы есть.

– Это-то здесь при чем?

– В Северном Провиденсе было больше юношей, годных для брака. Посмотри вокруг. Филли – это помойка.

– Это ты так считаешь. А мне здесь нравится. Зато не попали в лагерь для интернированных.

– Только благодаря мне и моим связям. Ты и твоё семейство – просто куча покорных овец. Все Де Пино подняли лапки вверх и потопали прямо в кутузку. Кабы не моя семья, не находчивость Джо Питерса...

– Я не собираюсь целовать твоего кузена Джо в зад до конца жизни.

– Ничего, не умрешь. Он спас нас от лагеря.

– Я посылаю ему бутылку на каждое Рождество, чего ты ещё хочешь?

Ал почесал задницу.

– Ну не рядом же с едой, Ал! – Конни отпихнула мужа от обеденного стола. – Пожалуйста, веди себя прилично. Я терплю твои свирепые взгляды, и ворчание, и ветры, но другие люди же не обязаны. Вылупится своими черными глазищами, словно убить готов. Это недопустимо. Что за дурные манеры.

– Я не собираюсь меняться, чтобы нравиться другим. Ты не за Сержа Оболенского⁴⁰ замуж выходила.

– Это уж точно. Но ты бы мог хоть немного постараться. Приложи чуть усилий. Чуть галантности. Если не ради меня, так ради дочери. – Кончетта обошла стол и выровняла стулья, поправила салфетки. – Не понимаю я тебя, Алесслио.

– Чего не понимаешь? Я люблю свое дитя. – И глаза Ала увлажнились. Он схватил бумажную салфетку.

– Только не мои парадные салфетки!

Кончетта запустила руку в вырез платья, выудила из-под лямки бюстгальтера сложенный носовой платок и протянула мужу, отобрав бумажную салфетку.

– Вечно эти финтифлюшки. – Ал вытер глаза платком.

– Таковы женщины. – Кончетта помахала салфеткой над печеньем. – Мы устаем глядеть на всё те же вещи, и тогда мы их украшаем. А теперь поднимись и надень брюки. И от тебя не будет, если ты прибавишь к ним галстук.

– Убудет.

– Сделай это для Пичи.

– Что сделать для Пичи? – Пичи вошла в комнату. На ней была розовая шерстяная юбка и бледно-зеленый свитерок. Свитерок украшал небольшой розовый бархатный бант, и таким же, только зеленым, она повязала волосы.

– Все, что пожелаешь! – Кончетта взяла голову Пичи в ладони и поцеловала в лоб. Провела рукой по ее талии и потянула за пояс: – Ты такая худенькая.

– Я в порядке, Ма.

– Ты ж моя Пичи-Пичужка, худышка-малышка, пончик-симпомпончик. Меня не заботит твой размер. Ты выходишь замуж, и я так счастлива за тебя.

– Впервые вижу твою мать такой счастливой.

Ал сунул в рот кокосовое печенье.

– Ал, перестань вторгаться в закуски. Штаны.

– Я серьезно, Пичи, – сказал Ал, подтягивая трусы, чтобы скрыть пупок. – Эта свадьба – вся жизнь твоей мамы.

– Моя жизнь – это Пичи. И что с того? У нее будет самая блистательная свадьба из всех когда-либо виденных в Саут-Филли.

Зазвенел дверной звонок, и Кончетта, подбоченясь и вытесняя с дороги мужа, направилась из комнаты.

– Брюки, Ал! Штаны!

---

⁴⁰ Князь Сергей Платонович (Серж) Оболенский (1890–1978) – русский офицер, американский деятель гостиничного бизнеса. Вторым браком породнился с миллионерами Асторами и стал заметной фигурой в американском высшем свете.

Пичи рассмеялась и по пути из гостиной к входной двери слямзила из вазы коржик в форме буквы «К». Прожевала коржик и быстро проглотила, потом распахнула дверь и впустила гостей.

– Тетя Джо! – Пичи обняла тетю Ники, появившуюся здесь в качестве посаженной матери жениха.

Джо Палаццини была невысока, коренаста и отличалась шикарной стрижкой, демонстрирующей во всей красе ее густые волосы, тронутые сединой.

– Ма! – закричала Пичи. – Девушки уже здесь!

Невестки Джо с подарками набились в прихожую. Пичи пригласила их в дом, а тут и мать ее выплыла из гостиной, приветственно потрясая полированной серебряной чашей:

– Призы! У меня есть призы!

– Будет весело! – Лина захлопала в ладоши. Совсем юная, недавно вышедшая замуж, она еще не насладились свадебной суетой. Лина была из Сицилии, изящная, стройная, с ореховыми глазами, как у Клеопатры.

– Где мое место? У меня варикозные вены в левой ноге пульсируют, как насос, откачивающий воду из подвала после потопа. – Мэйбл сильно отекала в этот день, ее обручальное кольцо впилось в палец, напоминая скорее золотой жгут, чем ювелирное украшение.

– Эльза, ты выглядишь по-королевски, – сообщила Кончетта, оглядывая ее льняной наряд.

– Спасибо.

– Настоящий Мейнбокер⁴¹.

– Боюсь, что нет. Мне это платье свекровь пошила.

– Как бы мне хотелось уметь управляться с иглой и ниткой, – пожаловалась Кончетта.

– Но ты же превосходно справляешься, Ма. Тебе и не надо много шить, раз я работаю в «Уонамейкере». У тебя постоянная скидка в магазине, – напомнила ей Пичи.

– А мы получим скидки, когда вольемся в семью? – брякнула Мэйбл.

– Я спрошу, – сказала Пичи сквозь зубы.

– Следуйте за мной, девушки. – Кончетта повела их в гостиную.

Она уже разложила карточки для дам. Найдя свои имена и сев, женщины клана Палаццини зашушукались, обсуждая прелестные свадебные украшения. Пичи расположилась во главе стола. Кончетта начала разливать чай, пока дамы наполняли тарелки.

Мэйбл не озаботилась тарелкой, отправляя печенье всех сортов прямо в рот, а кокосовые шарики она просто заглотила, словно пригоршню таблеток.

– Они бесподобны, – заявила она с полным ртом. – Мне так хочется сладкого сейчас, во время беременности.

– Я не сомневаюсь, что ты потеряешь вес сразу после родов, – заверила ее Кончетта.

– Да какая разница, даже если буду напоминать вагон для перевозки угля, – сказала Мэйбл со вторым печеньем во рту. – В моем положении я не смогу быть подружкой невесты.

– А ты можешь взять на себя гостевую книгу? – спросила Пичи.

– Конечно. Почему бы и нет? – уже с меньшим энтузиазмом ответила Мэйбл. – Исторически именно так и поступают с толстухами. Им дают должность секретарши и сажают подальше от глаз. Это разумно. В свадебном альбоме их тел никогда не видно, потому что во время съемки они собирают подписи, только голова выглядывает из-за стола.

– Не-е-е-ет! – разом вскричали Пичи, Джо и Кончетта.

– Никто не хочет щеголять толстухами, выставляя их напоказ. Уж поверьте. Я помню, как мне когда-то придерживали двери и как те же люди захлопывали их у меня перед носом, когда я набрала несколько фунтов. Просто покажите, где у вас тетрадь и ручка, и я всех

---

⁴¹ Мейн Руссо Бокер (Мейнбокер, 1890–1976) – первый американский кутюрье, получивший признание в Париже.

заставлю расписаться. – Мэйбл попробовала бутерброд с икрой. – Я перехожу на соленькое, если вы не возражаете.

– Конечно, конечно. – Кончетта начала беспокоиться, что еды может не хватить.

– А что мы наденем? – Лина не могла сдержать восторга.

– Розовое, – уверенно ответила Пичи. – Ма, у тебя какого цвета будет платье?

– Бледно-зеленый шелк с темно-зеленой отделкой. Это комплект – платье с легким пальто.

– Тетя Джо?

– Ты посоветуй.

– Желтое вам бы пошло, – предложила Пичи.

– Отлично. – Джо ненавидела желтое, но готова была сделать все, что захочет невеста племянника.

– А нам ты что выбрала? – Лина обожала быть подружкой невесты. Это ведь была работа в униформе.

– Кое-что из магазина для новобрачных в «Уонамейкере». Фасон Сьюзен Постер. Сногсшибательно! Розовый бархат, юбка «солнце», вырез «каре». Шляпки тоже розовые с розовым мелким жемчугом.

– Слишком много розового. – Мэйбл опять потянулась за бутербродом. – Вы, девочки, будете смотреться как коробка пирожных с заварным кремом.

– Чем же тебе не нравится розовое? – удивилась Пичи.

– Мне нравится. Но я-то не обязана его носить. Я могу вообще надеть тряпочку болотного цвета, и никто даже не заметит. Я ведь просто собираю подписи.

– Розовое выглядит прелестно, – сказала Джо, улыбаясь, чтобы разрядить напряжение.

Лина кивнула:

– Ты все продумала, Пичи.

– С семилетнего возраста, – заметила Кончетта с гордостью.

– Я надеюсь, ты займешься цветами для алтаря. Папа говорит, никто не умеет так красиво убирать цветами, как ты. – Пичи посмотрела на Эльзу.

– Я с радостью. – Эльза погладила Пичи по руке, чтобы подбодрить.

– Спасибо.

– А мне спасибо за мои предстоящие труды по сбору подписей? – спросила Мэйбл, потянувшись за сливками для чая. – Ты же понимаешь, что я полностью пропущу коктейли, ожидая запоздавших и припозднившихся и тех, кто не смог найти парковку. И останусь без шведских фрикаделек.

– Я благодарна тебе за жертву, Мэйбл, – уронила Пичи.

– Эльза обходится с цветами лучше всякой цветочницы. Наш сад никогда так прекрасно не выглядел. – Тетя Джо улыбнулась Эльзе. – И майские веночки были такие чудесные.

– А что наденешь ты, Пичи? – спросила Мэйбл.

– И так... – Пичи положила руки на стол и закрыла глаза, вызывая образ великолепного одеяния в самый важный день своей жизни. – Мягкий блестящий атлас. Прозрачные рукава...

– Обожаю прозрачные рукава, – сообщила Кончетта мечтательно. – У нашей семьи руки далеко не греческие, но Пичи их не унаследовала и может спокойно демонстрировать свои.

– У большинства древнегреческих статуй вообще нет рук. Так что вам еще повезло иметь хоть одну руку. Не говоря уже о двух. – Мэйбл дотянулась до шоколадного драже и набрала полную пригоршню.

– Наши бы тебе не понравились, – заверила ее Кончетта. – Вверху дряблые, локти как орехи.

– Вот для чего Господь изобрел широкий рукав с манжетом, – прокомментировала тетя Джо.

– Прозрачные рукавички, – продолжала Пичи, – прозрачное кружево над глубоким вырезом в виде сердечка, манжеты клинышком, семьдесят семь хрустальных венецианских пуговиц на спинке...

– Нам придется нанять третьюклассницу, чтоб все это застегнуть. Нужны тонкие пальчики на тонких ручках. Пуговички малюсенькие! – сообщила Кончетта с удовольствием.

– Тиара, кружевная фата... Мистер Да Понте шьет фату из кружев...

– Которые хранились в семье со времен Торре дель Греко, – подтвердила Кончетта.

– И шлейф. – Пичи встала и расправила воображаемый шлейф. – Как настоящая итальянская принцесса. У меня будет шлейф, который протянется от первых рядов церкви до последних, ярды и ярды узорных кружев, не знаю даже, сколько им лет, их носили невесты в семье Куккаморсина с тех пор, как у них родилась первая девочка.

– Однажды и твоя дочка украсит ими свое платье, – вмешалась тетя Джо.

– Конечно, – пообещала Пичи. – Мы придерживаемся традиций.

– И хранить кружева умеете, ни тебе шелковичных червей, ни моли. Для жуков ветхие кружева – как конфеты. – Мэйбл отрезала ломоть от кофейного пирога. – Наряд моей бабушки сожрали долгоносики во время неурожая картофеля.

– Какая жалость.

Пичи перехватила взгляд матери.

– Судя по твоему описанию, платье будет восхитительное. Мы обязательно придем утром в день свадьбы и поможем тебе одеться, – ободряюще сказала Лина.

– Обещаете?

– Конечно, – закивали все женщины Палаццини.

– С таким шлейфом тебе понадобится помощь, – улыбнулась Лина.

Глаза Пичи наполнились слезами.

– Я – единственный ребенок и всю жизнь мечтала о сестрах, и вот теперь они у меня есть. Нужно будет оставить побольше времени на одевание.

– Лучше начать прямо сейчас. С этим шлейфом, и этими пуговицами, и фатой тебе понадобится стая кармелиток, чтобы успеть. Я слышала, что они сдают внаем своих послушниц в обмен на пожертвования. – Мэйбл отколупнула вилкой большой кусок кофейного пирога и принялась с аппетитом жевать.

Кончетта хлопнула в ладоши.

– Я думаю, всем доставит удовольствие набить мешочки с конфетами. На каждом месте рядом с вами тюль, ленточки и драже с миндалем.

– Папуля сломал зуб этим драже у меня на свадьбе. До корня. Завыл от боли. Надо их снабжать инструкцией с предостережением, – добавила Мэйбл.

Дамы наполняли тюль орешками, Эльза завязывала ленточки, чтобы получился мешочек.

– Кто делает кукол на машины? – спросила Лина. – Это моя любимая традиция в Саут-Филли. Как хорошо выйти из церкви и увидеть машины, украшенные куклами в костюмах подружек невесты, и потом, конечно, куклу-невесту на лимузине. Ты, кстати, поосторожней со своей копией – длинный шлейф может развеяться на ветру и мешать шоферу.

– Мэйбл, я надеялась, что ты сделаешь кукол. Те, что ты сделала для своей свадьбы, просто прелестны.

– Ну конечно, я могу. Сколько автомобилей?

– Двенадцать.

– Но у тебя же только две подружки невесты.

– Еще из Канады семья приедет, – объяснила Пичи.

– Ну нет. Нездешние кукол не получают. Тут только начни. Куклы на капотах только для своих.

– Я думала, это будет приятно. Что-то особенное, другое. Они так далеко живут, но придут.

– Тогда почему не усадить кукол на все машины? Включая те, что продают у Дотта, раз уж этим займусь я? – съязвила Мэйбл.

– Тогда в них не будет ничего особенного.

– Вот именно. Они перестанут быть особенными, когда ты увидишь двенадцать розовых пупсов на капотах всех машин, перевозящих кучу канадцев.

Казалось, что Пичи сейчас заплачет.

– Просто сделай кукол, – миролюбиво попросила Джо.

– Я подумала, давайте устроим девичник в «Тарелло», – завела Лина.

– Почему? – нервно спросила Кончетта.

– У них там позади прелестный сад.

– Папочка подавился там кальмаром, – выпалила Пичи.

– Но девичник только для женщин, твой папа не придет, – напомнила ей Лина.

– А как насчет кафе «У Виктора»?

– Ну, может... – задумалась Пичи.

Лина выдавила улыбку:

– Ладно, почему бы тебе самой не выбрать?

– Мой был в Эхо-Лейке, в отеле «Отдых в долине», – предложила Мэйбл.

– В Поконо? Долгонько ехать, – отрезала Кончетта.

– Не так долго, как мне шить это стадо кукол, – вздохнула Мэйбл.

Эльза села за руль седана, припаркованного перед домом Де Пино. Мэйбл взгромоздилась рядом с ней на переднее сиденье. Лина последний раз помахала Пичи и ее родителям на обочине, прежде чем забраться на заднее рядом с тетей Джо.

Эльза завела машину и выехала на улицу. Через несколько минут Лина сказала:

– Бедный Ники.

– Да все с ними в порядке, – оптимистично заметила тетя Джо. – Пичи знает, чего хочет. Кончетта – тем более, и она так старается. Все будет хорошо.

– Вашими бы устами... – вздохнула Мэйбл.

Лина поискала, чего бы еще сказать хорошего.

– Они все делают тщательно и организованно. Но меня пугает мистер Де Пино. Просто черный шар в кегельбане.

– Держись от него подальше, – посоветовала Мэйбл.

– И никто не вспомнил Ники, – вздохнула Эльза.

– Ну да, в этом мало хорошего. Но зато ты отхватила кухонные щипцы, когда мы играли в «Угадай мармеладку».

– Тебе тоже приз достался, – напомнила Лина.

– Прости, что я не восторгаюсь этой банкой присыпки для ног.

– Ты угадала, сколько изюма в шоколаде было в смеси драже, это настоящий талант, – сказала тетя Джо.

– Просто у меня было время их пересчитать, пока Пичи вдавалась в детали угощений на празднестве. Так много перемен! Да еще и венецианский столик с десертами. Сколько вообще бывает начинок для *канноли*? – Мэйбл стряхнула несколько розовых кокосовых хлопьев с воротника.

– Все невесты нервничают и хотят, чтобы все сложилось так, как им мечталось. И она так долго ждала свадьбы. Так что дадим ей возможность насладиться, – примиряюще сказала тетя Джо. – Давайте дальше говорить о них только приятное, девочки. Согласны?

Какое-то время женщины ехали молча. Потом Мэйбл обернулась и сказала:

– А бутерброды с творогом были ничего, вкусные.

Калла стояла у входа в гараж Палаццини и осматривалась.

– Кто-нибудь! – позвала она. Никто не отозвался, и она вошла внутрь, туда, где в воздухе висели запахи моторного масла и сигарного дыма. Она посмотрела на пол, где были изображены красным номера от одного до четырех, означавшие места парковки машин, услышала тихое стаккато сквозь звуки приглушенного радио в диспетчерской, так что пришлось подняться по ступеням.

Гортензия сидела за столом, изучая каталог семян от «Берпи», когда Калла легонько постучала в открытую дверь.

– Извините. Я ищу Ники Кастоне.

– Зачем? – спросила Гортензия, не поднимая головы от картинок со шпорниками.

– По делу.

– По какому делу? – Гортензия оторвалась от каталога и уставилась на Каллу поверх очков.

– Театральному.

– Вы продаете билеты? Если так, то он слишком стар для цирка.

– Нет. Ники у меня работает. Ну, вернее, работал. И сейчас я хочу взять его обратно.

– Тогда это другой Ники.

– Я вполне уверена, что тот самый. Он сказал, что работает здесь днем. Он таксист. Водитель «четверки». Около шести футов ростом. Шатен, почти рыжий. Голубые глаза. Милая улыбка. Превосходные зубы.

– Не такие превосходные, как у меня. – Гортензия изобразила улыбку.

– И у вас прекрасные зубы.

– Я знаю. Не жалуюсь. У моих предков были крепкие зубы. И я заботливо чищу их с содой и солью каждый вечер. И по утрам.

– Старинные средства лучше всего.

– Не забывайте этого.

– Меня зовут Калла Борелли, – сказала Калла, протягивая руку.

– Миссис Муни. – Гортензия ответила на рукопожатие.

– По вечерам Ники работает у меня в театре.

– Капельдинером?

– Суфлером. Но теперь и как актер.

– Он играет на сцене?

– Он заменил актера, и сейчас он мне необходим. Актер, который играл эту роль, будет отсутствовать весь сезон. Его мать сломала бедро.

– Ужасно. Сломанное бедро – это первый шаг в небытие.

– Я слышала, – печально согласилась Калла.

– А вы что делаете?

– Я режиссер.

– Девушка?

– Ну да. У нас семейное дело. Не думаю, что я должна за это извиняться. Или должна?

– Нет-нет. Женщины нынче трудятся вовсю. Хоть на меня взгляните. Диспетчер. Работаю с азбукой Морзе. Ну да. «Вестерн Юнион». И посмотрите вокруг. Розы-клепальщица⁴². Она выпускала танки «Шерман». Да, делайте что хотите. Война все изменила и для женщин тоже. Ну, для вас.

---

⁴² Клепальщица Розы – девушка с известных американских плакатов, собирательный образ американки, которая трудилась на оборонную промышленность во время Второй мировой войны.

– И я так считаю.

– Лучше оставьте ему записку. Он на рейсе, наш трудяга. Сейчас повез кого-то в Нью-Йоркский международный аэропорт.

Гортензия протянула Калле блокнот. Калла настрочила записку и отдала ее Гортензии.

– Борелли. Интересно, хоть одна семья осталась жить в Италии? Или все перебрались в Америку?

– Я не знаю. Многие из нас переехали. Я никогда не была в Италии.

– Но это интересный вопрос тем не менее, не правда ли?

– Интересный. – Калла почувствовала, что Гортензия ее внимательно изучает. – Что-то не так? У меня ощущение, что у меня комбинация выглядит или еще что.

– Нет, мисс Борелли, все хорошо с комбинацией. Просто смотрю на вас. Я часто смотрю на людей.

– Приятно было познакомиться, миссис Муни.

Калла выдавила улыбку и попятилась из диспетчерской.

Гортензия, подойдя к окну, наблюдала за Каллой, спускавшейся по лестнице гаража.

Ники ехал через Эмблер, тихий пригород Филадельфии, где извилистые улицы были покрыты новой щебенкой, а по обочинам тянулись ряды платанов. Зеленые лужайки, окаймлявшие каменные дома, больше походили на ковры, чем на траву. Он тихо присвистнул, воображая цены на недвижимость в этом райончике.

Притормозив, Ники вглядывался в номера зданий и в конце концов нашел № 17 на Макино-стрит, дом мистера и миссис Эллисон. Гортензия обычно давала Ники поездки в международный аэропорт Нью-Йорка, зная, что чаевые бывают щедрыми, а ему необходимо поднакопить денег на медовый месяц. То же самое она делала для двоюродных братьев Ники, когда они ходили в женихах. Гортензия была женщиной заботливой.

Ники сверился с адресом и увидел три желто-коричневых чемодана, выстроившихся вдоль дорожки к дому георгианской архитектуры. Двери дома были настежь.

Когда Ники выпрыгнул из машины и стал грузить чемоданы в багажник, на пороге появилась маленькая блондинка лет сорока и замахала рукой.

– Скорее! – закричала она.

Ники побежал по дорожке и влетел в дом.

– С мужем что-то случилось! – воскликнула миссис Эллисон.

На ней был темно-синий костюм, в руке шляпка с белой лентой. Муж ее сидел на стуле, держась за голову.

– Сэр?

Мужчина посмотрел на Ники. Глаза его были затуманены и не сфокусированы.

– Мы опоздаем на самолет, – нервно сказала его жена.

– Вашему мужу нужно срочно в больницу.

– Что с ним не так?

– Надо ехать немедленно.

Ники помог мужчине подняться и провел его по дорожке до самой машины, где и усадил на заднее сиденье. Женщина обежала машину и села рядом с мужем.

Ники врубил аварийную сигнализацию и помчал по улицам Эмблера, а миссис Эллисон криками подсказывала ему дорогу к больнице.

Ники слышал, как миссис Эллисон нежно утешала мужа.

– Гэри, держись, мы уже почти на месте, – говорила она между командами. Ники посмотрел на них в зеркало. Гэри лежал на руках жены. – Пожалуйста, скорее, – взмолилась она.

Ники вырвался из ряда машин на красном свете и выехал на тротуар. Он уже заворачивал к больнице, когда миссис Эллисон вскрикнула.

Ники остановился у входа в отделение экстренной помощи, выпрыгнул из машины и помчался в поисках врача. Он вернулся, подбежал к двери, за которой сидела миссис Эллисон, и открыл ее.

– Помощь уже близко, – сказал он мистеру Эллисону, жена которого плакала и гладила мужа по лицу и рукам, стараясь привести его в чувство.

– Он умирает. Гэри, очнись, – в отчаянии сказала она.

Ники проверил пульс, как его учили, когда он был в армии. Он потрогал шею мистера Эллисона с одной стороны, с другой, на руке, на запястье. Пульс еле прощупывался.

– Есть пульс? – спросила жена.

Ники закрыл глаза, чтобы сконцентрироваться, ощутить пальцами слабые биения.

– В сторону, – рявкнул санитар.

Ники отступил от машины, пока санитар под руководством медсестры переносил пациента на каталку.

Жена выскочила из машины, уже в неистовстве. Она кричала на медиков, словно это была их вина, спрашивала, знают ли они, что делают, словно чье-то знание могло здесь помочь.

Медсестра приподняла простыню, сложенную треугольником в ногах каталки. Ветер усилился, когда она расправляла простыню. Простыня вздымалась, словно белоснежные крылья ангела в голубом небе.

Ники слышал, как хлопают крылья над криками санитара, скрипом колес каталки, отчаянными жалобами жены и уверенными приказами медсестры. Попытки спасти умирающего происходили как будто за стеклом. Ники поднял голову, чтобы найти причину звука, но там не было ничего, кроме синевы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.